

Volume 16
№ 4 (57) 2020

Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия

Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Амплеева Т.Ю. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук, Россия

Фабрицио Д'Ашенцо – профессор, проректор Римского Университета Сапиенца, Италия

Ван Чэньсин – научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, программный менеджер Всекитайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай

Гаман-Голутвина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор

Гао Ченг – профессор, главный редактор, журнал современных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Китай

Грибанов Д.В. – доктор юридических наук, доцент, проректор по учебной работе Уральского государственного юридического университета, Россия

Проф. доктор Стивен Гуанпенг Донг – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай

Эмилианидис Ахилл – профессор, декан юридического факультета Университета Никосии, Кипр

Енгибарян Р.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Ендольцева А.В. – профессор кафедры правовых основ управления, доктор юридических наук, профессор, Россия

Ие Хайлинь – профессор, руководитель исследований Южной Азии, Национальный институт международной стратегии, Китайская академия общественных наук, Китай

Камолов С.Г. – заведующий кафедрой государственного управления МГИМО МИД России, доктор экономических наук, доцент, Россия

Краснов Ю.К. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия

Хосе А. Моранде Лавин – Директор института международных исследований Университета Чили, Чили

Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия

Мальгин А.В. – проректор по общим вопросам МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия

Доктор Душан Павлович – факультет политических наук Белградского университета, Сербия

Потьер Андре Тимоти – профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Ph.D., Россия

Сардарян Г.Т. – декан факультета управления и политики, доктор политических наук, Россия

Субочев В.В. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия

Тяги Парул – преподаватель кафедры бизнеса и менеджмента Джайпурского национального университета, Ph.D. (менеджмент), Джайпур, Индия

Доктор Герхард Шнайдер – Королевский колледж Лондона, факультет менеджмента и бизнеса, Ph.D. in Political Science, Великобритания

Энтин М.Л. – заведующий кафедрой европейского права МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.Э. БЕРЕЗКО

корректор – Т.М. Срапян

компьютерная верстка – Д.Е. Волков

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

3 Севен Эрдоган

От спора о названии к Преспанскому соглашению: отношения между Грецией и Северной Македонией

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

15 С.Г. Еремин

Современный подход к истории развития финансового права в России и за рубежом

УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

25 В.Н. Гончаров, В.А. Глазков, А.В. Бондарчук

Непризнанные государства:
правовые и экономические аспекты

32 Ю.А. Левин, А.О. Павлов

Азиатско-Тихоокеанский регион:
анализ создания и функционирования зон
референциальных экономических режимов

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution
"Moscow State Institute of International Relations (University) under the
Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD,
EDITOR-IN CHIEF – R. YENGIBARYAN

EDITORIAL BOARD:

Francesco Adornato – Professor, Rector, University of Macerata, Italy
Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Tatyana Yu. Ampleeva – Professor of the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Russia
Fabrizio D'Ascenzo – Professor, Vice-Rector, Sapienza University of Rome, Italy
Wang Chenxing – Ph.D, Assistant Professor (Research Fellow) of Institute of Russia, East Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences; Program Manager of Chinese Association for Russian, East European and Central Asian Studies, China
Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Gao Cheng – Professor, Executive chief editor, Journal of Contemporary Studies of Asia and Pacific, China
Dmitry V. Gribanov – Doctor of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Ural State Law University, Russia
Prof. Dr. Stephen Guangpeng Dong – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China
Achilles C. Emilianides – Professor, Dean School of Law, University of Nicosia, Cyprus
Robert V. Yengibaryan – Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Alla V. Yendoltseva – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, Doctor of Law, Professor, Russia
Ye Hailin – Professor, Editorial chief of South Asia Studies, National Institute of International Strategy, Chinese Academy of Social Sciences, China
Sergei G. Kamolov – Head of the Department of Public Administration, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Russia
Yu. K. Krasnov – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia
Jose A. Morande Lavín – Director of Institute of International Studies, University of Chile, Chile
Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Artem V. Malgin – Vice-Rector for General Issues, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russia
Dušan Pavlović – Associate Professor, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Serbia
Potier André Timothy – Professor with the Department of International Law, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D., Russia
Henry T. Sardaryan – Dean of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Political Sciences, Russia
Vitaly V. Subochev – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
Anatoly V. Torkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia
Tyagi Parul – Jaipur National University, Lecturer of the Chair "Business and Management", Ph.D. (Management), India
Dr. Gerhard Schnyder – Royal College of London, Faculty of Management and Business, Ph.D. in Political Science, United Kingdom
Mark L. Entin – Head of the Department of European Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
EXECUTIVE SECRETARY – Vladimir E. Berezko
Proofreading – Tamara M. Shrapyan
Computer layout – Dmitry E. Volkov

CONTENTS

THE TOPICAL ISSUES OF INTERNATIONAL RELATIONS

- 3 Seven Erdoğan
From the name dispute to the Prespa agreement:
the relations between Greece and North Macedonia

LAW IN THE PRESENT-DAY WORLD

- 15 Sergey G. Eremin
Modern approach to the history of financial law
development in Russia and abroad

ADMINISTRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

- 25 Valentin N. Goncharov, Viktor A. Glazkov,
Alina V. Bondarchuk
Unrecognized states: legal and economic aspects
32 Yuri A. Levin, Alexander O. Pavlov
Asia-Pacific region: analyses of the creation and
functioning of preferential economic regime zones

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С сетевым изданием «Право и управление. XXI век.

Электронное издание» можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru
www.pravo.mgimo.ru

The "Journal of Law and Administration" journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the
major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.

The Internet edition of the "Journal of Law and Administration" is available at: www.mgimopravo.elpub.ru
www.pravo.mgimo.ru

Article

FROM THE NAME DISPUTE TO THE PRESPA AGREEMENT: THE RELATIONS BETWEEN GREECE AND NORTH MACEDONIA

Seven Erdoğan*

DOI 10.24833/2073-8420-2020-4-57-3-14

Introduction: The name dispute dominated the relations between Greece and the Republic of Macedonia approximately three decades. It was coined as one of the world's chronic unresolved issues. During the long lifespan of the conflict, there were some moments of hope for a solution, as well as disappointments stemming from the rising tension between the parties. Some of these developments bringing a new mentality to the dispute can be labelled as the turning points. In the current state of affairs, the dispute has been going through a new phase since the signature of the Prespa Agreement between Greece and North Macedonia in 2018.

Materials and Methods: The article is providing a historical analysis of the name dispute. The development of the name dispute, from its beginning till its current state of affairs, is analysed under the guidance of the previous studies conducted on the subject and with references to the discourses of the leading political actors.

Results: The name dispute is elaborated by focusing on the key turning points. After the emergence of the conflict, the interim accord of 1995 and 2008 NATO Bucharest meeting and the Prespa Agreement are determined as the turning points of the dispute.

Discussions and Conclusions: The article concludes that it is too early to declare the final end of the name dispute by concentrating on the Prespa Agreement, symbolizing the final consensus between the parties of the dispute. Despite the rising hopes after the Prespa Agreement, the historical lifespan of the name dispute leads us to consider the fact that the willingness of the disputing parties to stay committed to the agreement will be definitive in terms of the future of the relations between Greece and Macedonia.

* **Seven ERDOĞAN**, PhD, Assistant Professor, Department of International Relations, Rize, Turkey
e-mail: seven.erdogan@erdogan.edu.tr
ORCID ID: 0000-0001-9991-2074

¹ An earlier version of this article was presented in 9th Euroasian Peace Science Conference held by Koc University on 13-14 January 2020.

Introduction

Macedonian Question, turning around the division of the Macedonian territory previously under the Ottoman rule among the newly-independent Balkan states in the early 19th century, turned back to the agenda of the international politics under the new title of the name dispute after the dissolution of Yugoslavia. This time the clash was mainly between Greece and the Republic of Macedonia². The independence of this country in 1991 was not welcomed and recognized by the neighbouring Greece primarily because of its name including the term Macedonia. This unrest of Greece pushed it to carry out some immediate activities to block international recognition of the newly-independent country. It also followed a policy aiming to prevent the membership of the Republic of Macedonia to the key Euro-Atlantic institutions, namely the European Union (EU) and North Atlantic Treaty Organisation (NATO). Despite its bilateral character, the dispute affected Macedonia's relations with other actors since its independence and posed a threat to the volatile peace and stability in the Southeastern Europe.

Thanks to the international mediation, the parties of the name dispute were able to reach a middle way solution formalised with the Interim Accord in 1995. The accord made the dispute between parties more manageable by eliminating some of the urgent tension matters. It also put the parties under the responsibility of carrying out negotiations under the supervision of the United Nations (UN) to solve the dispute. In the aftermath of the accord, the dispute sometimes showed an escalation tendency and there were also some moments of rapprochements between the parties. However, the negotiation process under the UN mandate, including many rounds of meetings, had not produced the expected final solution of the name dispute till the signature of the Prespa Agreement in 2018. The agreement was planned to end the three decades long crisis situation between Greece and the Republic of Macedonia, which is seen one of the world's chronical unresolved issues.

The official name of the Republic of Macedonia has become the Republic of North Macedonia with the Prespa Agreement. By the way, the biggest obstacle for the international recognition of the country and its membership to the

important international organisations has been eliminated. In the current state of play, the parties completed the ratification processes and the implementation process is underway. The aim of this article is to examine the name dispute between Greece and the Republic of Macedonia in a way to include the final point reached in the dispute with the signature of the Prespa Agreement. The article provides an account of the dispute by focusing on the turning points of the dispute.

Study

The Historical Background of the Name Dispute

The Balkans has become one of the most volatile regions in the world since the dissolution process of the Ottoman Empire. The competition among the regional actors over the division of the Balkan territory produced many bloody conflicts. The disagreement concerning the division of the territory historically known as Macedonia turned into a problem called Macedonian Question at the turn of the 19th century. During the historical process, Macedonia was a mixture of people having their own religious, linguistic and communal characteristics [17. P. 50]. As a solution of the Macedonian Question, the territory was divided among Serbs, Greeks and Bulgarians after the Balkan Wars. Serbia, Greece and Bulgaria gained Vardar, Aegean and Pirin Macedonia respectively.

The territory ruled by the Serbs, Vardar Macedonia, turned into a part of multinational Yugoslavian state after the Second World War as a constituent unit and named as the Socialist Republic of Macedonia. Tito, the founder and legendary leader of Yugoslavia, formed this constituent state in order to honour the support of the Macedonian people during the struggle against the Nazis.

In line with his vision about Yugoslavia, Tito paid enormous effort for the emergence of a separate Macedonian identity basing upon an original language and history among the people of the constituent unit. His motivation was to create a broader Balkan federation with the expansion of the Yugoslav Federation in a way to have an access to the sea, especially by acquiring the lands of the Aegean Macedonia under Greek rule. In this context, the existence of a distinct Macedonian nation would be mo-

² Throughout the text, the Republic of Macedonia, The Former Yugoslav Republic of Macedonia or Macedonia are used for the period before the Prespa Agreement; the Republic of North Macedonia or North Macedonia are used for the post-Prespa period.

bilized by Tito as a pretext for the territorial claims towards Greece and Bulgaria for the regions populated by the Macedonian minorities, which were not recognized within the countries they were living. The Macedonians in the neighbouring countries were even invited to fight for a united Macedonia over the territory of the Ancient Macedon Empire to realise their right of self-determination [30. P. 15-16].

This line of thinking has played a role in the involvement of Yugoslavs to the Greek Civil War of 1944-1949, till the division between anti-Stalin Yugoslav and pro-Stalin Greek socialists. In this turmoil, the Slavic Macedonian minority living in the Northern Greece also sided with the Yugoslavia backed communists fighting against the government. The Civil War ended up with the defeat of the communists and many Slavic Macedonians fled their homes and settled in the Yugoslav Macedonia [16. P. 92]. These developments created a significant level of unrest in the neighbouring Greece and Bulgaria. Yet, the Cold War conditions prevented them from showing a fierce reaction [12]. However, Greece did not recognize existence of a distinct Macedonian national identity from the very beginning due to its policy of denying the existence of Macedonian minority in its territory which is very much clashing with the ethnic homogeneity and purity discourses mobilized in the formation of Greek national identity [5. P. 331].

Coming Back of the Macedonian Question in the Form of Name Dispute

Macedonia Question emerged once again after the dissolution of Yugoslavia with the end of the Cold War. Greece adopted a pro-Yugoslavia or anti-secession attitude towards the dissolution of the country. By the way, it declared that it would not recognize any country in case of a unilateral secession. That means the country did not develop initially a specific position putting only Macedonia at the target. However, absence of any negative reactions to the independence of Slovenia and Croatia from the Greek side and the organisation of the protests in Thessaloniki and other Greek cities against the independent Macedonian state are proving the fact that Greece was not in fact anti-secessionist, instead it was anti-Macedonian [15. P. 24-25].

After a referendum in favour of independence with a support of 96.44 percent, the Republic of Macedonia declared its independence on 17 September 1991 and asked for international recognition. "At the request for recognition of an independent Macedonian state, Greece re-

sponded with disturbance of the Macedonian air space with its military aircraft and military exercises near the Greek - Macedonian border" [15. P. 24]. Greece justified its negative stance against this independence on two grounds. Firstly, the official name of the country including Macedonia challenged. Greece opposed firmly to the independence of the constituent unit Macedonia with the official name of the Republic of Macedonia. Greece argued that Macedonian nation is an artificial creation of Tito as a part of its expansionist plans in the Balkans. In addition, it claimed that current population of the Republic of Macedonia has a Slavic origin and settled in the region, which was previously populated by the Macedonians having Greek origins, in AD 6th and 7th centuries. Therefore, the country's use of the name Macedonia and the mobilization of ancient Macedonian history were lack of a legitimate historical ground [3. P. 225]. As a result, Greece declared itself as the only actor having the exclusive right of using the Greek name of Macedonia [4. P. 5] and even argued that only modern Greeks have right to define themselves as Macedonians. According to this point of view, Slavs, who settled in Macedonia in the sixth century A.D. were not recognized as Macedonians by anybody until 1944, have no right to identify themselves as Macedonian. This line of argument was not put forth strongly until 1988 by the Greeks. It was also the year in which northern part of Greece was renamed as Macedonia [21. P. 156]. Greece also rejected the use of the word Macedonia in the name of the new country on the basis of a direct threat to its territorial integrity.

Secondly, Greece found some articles in the constitution of the newly established state irredentist. Especially in the early years of independence, there was the notion of uniting all the Macedonians in one country. The references made in the school textbooks to the liberation of Macedonia from Greece and Bulgaria, as well as there were maps in these books showing the Greek and Bulgarian provinces as a part of Macedonia [17. P. 50-51]. Yet the security threat perception of Greece basing on the irredentism of Macedonia was in fact basing on an overrating of Macedonia. As a newly established weak state having deep internal problems, Macedonia was devoid of a military capacity that would be enough to attack a country like Greece [3. P. 227].

Apart from the main issue of the name and allegations of irredentism, the use and ownership of the symbols (Vergina Star³ in the flag and Thessaloniki white tower over the cur-

³ A symbol found in the tombs of Ancient Macedonian kings.

rency) belonging to the Ancient Macedon Empire were also defined as the other elements of the dispute between the countries. Greece even condemned Macedonia with stealing some part of its historical and culture heritage. The strong Greek diaspora in the USA, Canada, Australia and Europe also supported to the official policy of the Greek governments in 1990s with their lobbying efforts against Macedonia [21. P. 182].

This clash between Greece and Macedonia was coined as the name dispute. Despite its appearance as a new crisis taking its roots from the dissolution of Yugoslavia, it was in fact an extension of one century-old Macedonian Question.

The Earlier Developments Regarding the Name Dispute

In August 1991 Robert Badinter⁴ was appointed by the European Council as the head of the Arbitration Committee on Yugoslavia with the aim of preparing a legal advice to define the conditions of recognition for the newly established states after the dissolution of Yugoslavia. The committee also prepared a report on Macedonia. This report precisely stated: "The name Republic of Macedonia cannot be treated as basis for any territorial claims and irredentism... and thus cannot be obstacle to the recognition of the newly established states" [7. P. 11]. The report approved the fact that Macedonia was fulfilling the conditions for independence. Despite this advice, the EU institutions and member states refrained from recognizing the country and preferred to act under the influence of Greek objections for such a recognition.

In response to Greek claims about irredentism, Macedonia made two amendments in its constitution to acknowledge that it had no territorial aspirations against any neighbouring countries. Firstly, the constitution affirmed that the country's borders can be changed only in accordance with the constitution and generally accepted international norms. Secondly, it was also openly stated that Macedonia has no territorial claims from the neighbouring states. Accordingly, it was affirmed that the country shall not interfere in the sovereign rights of other states and their internal affairs in the name of protecting the rights of Macedonians migrated to other countries including the neighbouring ones [25. P. 140-141]. These changes did not fulfil Greek expectations. Therefore, Greece continued to insist on a change in the name of the country and it blocked the recognition of the

country by the other EU member states with a name including the word of Macedonia [5. P. 328].

On the other hand, these changes caused a reversal in the attitude of the EU. The Portugal's Foreign Minister Pinheiro was given a mandate to offer a solution on the dispute. Pinheiro advised mutual recognition of the existing borders; putting restraints on the minority-related demands; and undertaking measures to prevent offensive action towards other party's cultural and historic heritage. In order to tackle the name issue, Pinheiro proposed the name of "New Macedonia" for the Former Yugoslav Republic. The Macedonian government saw this proposal as worth taking into consideration. Nevertheless, the Greek government being stuck in its hardliner competition with domestic opposition rejected the proposal as inadequate. After this point, the EU lost its negotiation capability in the dispute. By means of the Edinburgh Declaration in 1992, the EU concluded that it was not in position to solve the so-called name issue and would let the UN initiate procedure for the admission of the applicant country, Macedonia. By this, the EU unblocked Macedonia's accession in the UN [7. P. 11].

Macedonia became a member of the UN in 1993 with a provisional name after two unsuccessful applications. For the first time in the history of the organisation, a country was accepted to the membership with a provisional name [23. P. 102]. Macedonia was accepted to the UN by accepting two conditions. Firstly, the country accepted to be referred as the Former Yugoslav Republic of Macedonia (FYROM) temporarily. Secondly, it was put under the legal obligation of negotiating its name with Greece. Igor Janev identified these conditions as a violation of the Article 4 of the UN Charter, which defines the UN membership procedure, due to their status as an additional requirement [10. P. 155]. By accepting to become member of the UN with a temporary name, Macedonian government made a big concession. The rising security threats in the region, especially with the eruption of the Bosnian War, motivated the country to make this concession in return for some limited international recognition, which was seen vital for the survival.

The name FYROM was intended to be used temporarily by the UN. But, Greek diplomacy showed a great success in ensuring the use of this name by all the international organisations. Apart from provisional name solution, the UN

⁴ French criminal lawyer, university professor and politician.

Resolutions numbered 817 and 845 acknowledged the potential of the bilateral conflict between Greece and Macedonia to turn into a security conflict. Hence, the UN invited parties to pay effort to find a solution to this problem through negotiations under the auspices of the UN.

Interim Accord as a Half Way Solution

The US decision to establish relations with Macedonia by using its provisional name caused a frustration at Greece. The country took a total embargo decision towards Macedonia in 1994 to show its unrest about the US decision. The moving of the goods to and from Macedonia via Thessaloniki port with the exception of humanitarian aid was blocked. This embargo lasted 18 months and severely affected the weak and fragile economy of Macedonia [5. P. 329].

International community saw Greek embargo as unnecessarily antagonistic. The significant international players, namely the USA and EU, condemned the unilateral embargo decision and put pressure on Greece to lift its embargo. They also warned Greece about the inappropriateness of this embargo decision in terms of its serious political and economic implications over the region.

The European Commission for the first time in the history of the EU started a legal proceeding against a member state (Greece in this case) before the European Court of Justice, for the infringement of the EU law on free trade. The case was closed without a judgement, when the interim accord between Greece and Macedonia was signed on 13 September 1995. In this process, Greece noticed that such kind of unilateral acts would result in its international isolation and hamper its international image. Besides, Greek economic and commercial interests suffered losses and missed opportunities in the emerging new markets of the Western Balkans due to its primary focus on this conflict. This caused a within-country opposition towards the assertive policy choice [8. P. 356].

Even though the interim accord did not bring an ultimate solution to the conflict, its importance relied upon the solid foundations it laid down for the bilateral cooperation, good neighbourly relations and confidence building measures. Interim accord solved some problematic aspects of the dispute and ensured the normalization in the relations between the parties without settlement of the name dispute.

Macedonia removed the Vergina Star from its flag and eliminated so-called irredentist clauses in its constitution, especially the ones creating a pretext for the country's involvement

to the internal affairs of Greece to care the status and rights of the Macedonian minorities in the neighbouring countries. In return, Greece approved the UN promoted temporary name of the country, which is including the word Macedonia and promised that it would not object the country's accession to the international organisations as long as it uses this provisional name.

With the interim accord, Greece gave up its maximalist tendency towards the independence of Macedonia which was closing all the gates for the recognition of a Macedonian state which is bearing the word Macedonia in its name [15. P. 25]. Greece also put an end to its punitive embargo. In addition, both parties agreed to continue negotiation to erase all the disagreements regarding the name dispute under the UN auspices by paying attention to the development of the friendly and good-neighbourly relations [13. P. 56; 29. P. 155].

Under the positive climate pioneered by this accord, the relations of the parties normalized. The countries achieved to form a certain setting of trust in various fields, such as economics, commerce and legal issues. They became close economic partners and Greece became the largest foreign investor in Macedonia. Interim accord also produced positive implications for the relations of Macedonia with the EU. In this scope, the country signed cooperation agreement with the EU in 1997 and it became the first country in the Western Balkans which concluded a new generation stabilization and association agreement with the EU in 2001. Greek diplomacy contributed a lot to the conclusion of these agreements [28. P. 78].

In the positive setting of negotiations after the interim accord, Greece and Macedonia came near to a deal in 2001 with the probable name of Upper Macedonia. However, the negotiations came to a halt with the eruption of an ethnic conflict in Macedonia between the security forces and the ethnic Albanian minority [1; 27. P. 241]. During this crisis, Greek government showed its support for the Macedonian territorial integrity by condemning any actions targeting to change borders in the Western Balkans. It refrained from using the internal trouble of Macedonia as an opportunity to get a favourable solution in the name dispute [28. P. 77-78].

Matthew Nimetz, the US Special Envoy to the dispute, proposed a solution basing on double name in 2005. In this scope, Macedonia would have two names. One of which would be used in the bilateral relations with Greece and the other would be used internally and internationally. Greece found this proposal unacceptable. In 2008, the envoy came up with the new

name alternatives such as Upper Macedonia Republic and New Macedonia Republic. Greece stated that it can accept a name that is making reference to the geographical location of the country or delimiting itself from the historical heir of Ancient Macedon Empire, whereas Macedonia rejected all the proposals [17. P. 51]. During the Gruevski government ruled Macedonia after 2006, the UN Special Envoy could not show any effectiveness to bring parties closer to the solution and the policies of the government basing upon nationalism and ontological security discourses brought the negotiations to an impasse. Greece, on the other hand, did not show any inclination to step back from its entrenched position in this period [26. P. 386].

The End of Normalization between Greece and Macedonia by 2008

The initiation of the antiquisation policy⁵ by the Macedonian government under Gruevski leadership caused a radical shift in the Greek foreign policy towards Macedonia, which became concrete with its blockade of the country's NATO membership in 2008 Bucharest Summit. The feeling of failure emerged after this summit led Macedonian government under Gruevski leadership to intensify the antiquisation steps and this created a vicious cycle in the relations of the parties [6. P. 5]. Ivanoski defines this policy as an exercise leading to identity clashes, which irritated Greeks extensively especially those who are living in the northern Greece and identifying themselves with the Hellenic part of the Ancient Macedon Empire [9. P. 68]. Hence antiquisation policy was an attempt to establish a direct link with the current Macedonians and Ancient Macedon Empire [30. P. 13]. In addition, Macedonian Prime Minister sent a letter to the Greek Prime Minister on 14 July 2008 to call him to recognize the rights of the Macedonian minority, which does not even exist for Greece [17. P. 49].

After Greek blockage in NATO Summit, Macedonia made an application to the International Court of Justice (ICJ) in 2008 by claiming the breach of 1995 interim accord. The ICJ ruled in favour of the country in 2011 with its decision verifying Greek violation of the accord. Since the Court's decision was not enforceable, this ruling did not cause any change in

the Greek policy [1]. According to the interim accord, the ICJ was not given any authority to solve the name dispute, it was agreed to solve the issue by means bilateral negotiations. The ruling of the ICJ was an advisory opinion, which is not legally binding over the parties [4. P. 6]. As a result, the decision caused no changes in the positioning of the EU and NATO towards Macedonia. By the way, the ruling of the ICJ did not contributed to the Euro-Atlantic integration of the country, as well as it did not have any effect on the solution of the name dispute [5. P. 328].

After blocking integration of Macedonia to the NATO security scheme, Greece also took steps to prevent the country's progress in the EU accession process. The European Commission recommended for the first time the initiation of the accession negotiations between Macedonia and the EU in 2009 and continued to make this recommendation in the succeeding four years. All the recommendations were ignored by the European Council due to the Greek veto. In 2012, Bulgaria joined Greece by using its veto card due to the conflicting views about history [13. P. 58].

The response of the Macedonian people to the veto of Greece in Bucharest Summit became the massive support given to the rightest-centrist party under the leadership of Nikola Gruevski. The government could not achieve the proposed economic boom due to the lacking investments under the insecurity towards the country, as well as it felt the negative influences of the global economic crisis severely. In this setting, Gruevski government spent lots of money, time and energy to strengthen national identity to shift the attention of the public away from the economy [14. P. 125-126]. Apart from its populist policies, the government also used a discourse of security to play nationalism card. This way of acting also caused tensions within the country, the problems of the Macedonians having Albanian ethnic origins intensified [26. P. 383].

A New Contextual Setting in the Negotiations for the Name Dispute

Thanks to the developments experienced after 2015, a new rationale emerged in the bilateral relations between Greece and Macedo-

⁵ Constructing buildings having an appearance as if they are heired from Roman Empire and Ancient Greece or using symbols and names belonging to the Ancient Macedon Empire. In this context, monuments of the ancient figures erected and facilities were renamed by using the names taken from the Alexander the Great's dynasty. For example, Skopje airport was renamed as "Alexander the Great", the Skopje stadium was also renamed the "National Arena Philip II" and the main highway was renamed "Alexander of Macedonia. All of the actions taken in this process was named as the Skopje 2014 Project.

nia. This new rationale also paved way to a new contextual setting that is convenient for the negotiations aiming to find a solution to the name dispute. Firstly, the flow of refugees to Europe made a peak in 2015. This crisis has forced Greece and Macedonia to cooperate to ensure the security of their shared border against the flow of refugees. They started to work together on the issues of organized crime, corruption, terrorism, illegal migration and narcotics after 2015. After the success of the confidence building measures adopted in the scope of this cooperation, the countries understood the importance of the good bilateral relations [24. P. 12, 20].

Secondly, Macedonia has been experiencing a lower level of identity crisis with Bulgaria since its independence. These two countries signed a treaty called Treaty for Friendship, Good Neighbourliness and Cooperation in 2017 to erase the negative implications of this limited identity crises over their bilateral relations. Bulgaria, after solving its bilateral problems with Macedonia, provided an open support to the resolution of the name dispute. Its acting as the owner of the European Council Presidency facilitated this role [2. P. 3].

Thirdly, Macedonia became a weak state after gaining independence. The country faced serious governance problems, such as high levels of corruption, politicization and discrimination, a tendency toward authoritarianism, as in most countries of the Western Balkans [31. P. 99]. The internal dynamics of the country never became enough to cure these governance problems [22. P. 35, 36]. Therefore, Macedonia has always puts a higher value to its integration to the Euro-Atlantic political and security mechanisms. Apart from strengthening the state, the country considers that such integration will serve best to the achievement of harmony within its borders, normalization of its relations with the neighbouring countries, as well as its standing in the regional and global arena [13. P. 64]. The weariness and despair of the country about such problems created a higher willingness in the country to be a member of the EU and NATO.

Fourthly, the rising influence of other actors, notably Russia, Turkey and China, in the Balkans motivated the EU and NATO to support strongly the negotiations between the parties. As an evidence of this support, the EU-Western Balkans Summit was brought the heads of government from EU-28 and Western Balkans together in Sofia on 17 May 2018 and operated as an impetus for the integra-

tion of the Western Balkans to the EU. After the 2003 Thessaloniki Summit, Western Balkans once again came to the agenda of the EU strongly and this created a new hope for the countries of the neglected region, including Macedonia.

Fifthly, the election of the Zoran Zaev in Macedonia as a prime minister in 2016 brought about changes in the stance of Macedonia towards the name dispute. Newly elected Macedonian Prime Minister Zoran Zaev took office in 2017 and he pledged to pay utmost effort to solve the bilateral problems with Greece and to make the country closer to its overarching objective of Euro-Atlantic integration. During Zaev government, the renaming of the Macedonian airport from "Alexander the Great" to "International Airport Skopje", as well renaming the Macedonian part of the Highway E7 from "Alexander the Great" to "Friendship" happened. In return, Greek government decided to unlock Macedonia's entrance in the Adriatic & Ionian Initiative and to open a border-crossing in the Prespa region [20. P. 12]. That means, the existence of the pro-solution governments ready for the solution initiatives in both countries created a rare window of opportunity for a settlement [19. P. 578]. Tsipras framed the name dispute as a real burden over his country. On the one hand, he also noticed the depreciating effect of this dispute over the country's international image and its blocking of Greece from playing the regional leadership role in the Western Balkans. In addition, as a leader aware of his government's closeness to end in a short period under the influence of the challenges of massive debt and assertive Turkish foreign policies, Tsipras wanted to conclude his political career as the prime minister of the country with a success story [11. P. 42]. To put it briefly, both sides were experiencing deep frustrations due to the risings costs and missing opportunities.

Under the conditions and motivations identified above, the invitation to launch a new round of negotiation for a settlement of the name dispute came from the Macedonian Prime Minister Zoran Zaev. He announced the readiness of his country to negotiate with Greece and add a geographical qualifier to the name of the country [20. P. 1]. Previous proposals of the US Special Envoy Matthew Nimetz could not achieved to take the approval of both parties [18]. Yet, this time, the UN mediation produced the long expected result of solution because it was the right time.

Prespa Agreement as an Attempt to Solve the Name Dispute

"Making the impossible possible"⁶

After 27 years of negotiations, including many rounds, under the mandate of the UN, Greece and Macedonia governments achieved to reach a settlement over the name dispute. The agreement brought a final end to the negotiation process which was foreseen by the UN Resolutions numbered 817 and 845 and the interim accord of 1995. It is commonly known as the Prespa Agreement, with a reference to the lake on Macedonia-Greek border where it was signed. The agreement was signed by the foreign ministers of the countries with the existence of their prime ministers. In addition, the High Representative of the EU for Foreign Affairs and Security Policy and the Commissioner for European Neighbourhood and Enlargement Policy also attended the signing ceremony.

In the preamble of the Prespa Agreement, the parties mention their loyalty to the existing borders between themselves and in the region. Apart from stating their intention of widening and deepening the bilateral relations to a level of strategic partnership, the parties also stressed openly the need of strengthening peace, stability, security and cooperation in the Southeastern Europe by creating an atmosphere of trust and good neighbourly relations and refraining from any forms of irredentism and revisionism. That is, the preamble of the agreement takes the bilateral issues with strong references to the regional issues. This can be interpreted as an evidence of the fact that the agreement is seen as an asset for the dominance of peace, security and cooperation in the region, on the one hand; on the other hand, the transformation of the region is seen vital for the success of the agreement.

Agriculture, civil protection, defence, economy, environment, energy, industry, infrastructure, investments, political relations, tourism, trade, trans-border cooperation, transport are defined as the sectors of cooperation between parties. Greece and North Macedonia also put forth their intention to continue with the already-existing confidence building measures. The solution choice formalized with the Prespa Agreement is summarized below by making references to the important articles of the Agreement⁷:

- The Republic of Macedonia is renamed as the "Republic of North Macedonia" and it

can be shortened as North Macedonia. The name shall be used domestically, as well as in all bilateral and international relations. Even the countries previously recognized the country as the Republic of Macedonia are expected to adopt new name.

- The citizens of the North Macedonia are named as Macedonian or the citizen of the Republic of North Macedonia.

- The official language of North Macedonia is recognized as Macedonian language, which is member of the South Slavic language family and has no linkage with the ancient Hellenic civilization.

- The understanding of the terms Macedonia and Macedonian are defined in a limited way and two countries will have diverse understandings about them. When these terms are used in Greece, they will denote to the northern part of this country and the people living in there, as well as the Hellenic civilization, history, culture, heritage of this region coming from antiquity to present day. In North Macedonia, these terms will refer to the territory, language, people and their attributes with their own history, culture and heritage, which are distinctly different from the northern part of Greece.

- All public institutions and state-funded cultural organizations in North Macedonia shall be renamed in accordance with the new name of the country.

- The Republic of North Macedonia shall carry out all the constitutional and legal amendments to ensure the implementation of the agreement.

- The transformation of the commercial names, trademarks and brand names in line with the agreement in a period of three years shall be supported by a group of experts, composing of the nationals of the parties, as well as the international ones.

- The ratification of the agreement by Greece shall be launched only after the ratification of the agreement and completion of the relevant constitutional amendments by North Macedonia. The Republic of North Macedonia is also put under the responsibility of making necessary notifications to Greece about the finalisation of these processes.

- Greece accepts not to object to the application and membership of the Republic of North Macedonia to any international organisations of which it is a member, as long as the

⁶ Donald Tusk made this statement while expressing his feelings on the Prespa Agreement.

⁷ Prespa Agreement. 2018. URL: https://www.thenationalherald.com/archive_politics/arthro/the_full_text_of_the_greece_fyrom_agreement_pdf-52760/

country uses its new name. The admission of North Macedonia to the EU and NATO are covered under a separate title and Greece is put under obligation of notifying these organisations about lifting its veto. In addition, the parties will also cooperate within the international organisations, in which both of them are members, to promote peace and prosperity in the Southeastern Europe.

- The parties shall take necessary measures to correct the mistakes during the implementation process and notify each other. The parties shall mobilize peaceful mechanisms to settle any kinds of disputes between themselves, which are even on topics that are beyond the scope of this agreement.

- The parties shall not interfere the internal affairs of each other and shall not act with motivation of protecting the rights and status of the people who are not their citizens.

- The parties shall refrain from the use of any symbols constituting a part of the other side's history and culture. In this scope, North Macedonia will review the monuments, public building and infrastructure, as well as the removal of the former flags including Vergina Star from all the public sites will be ensured.

- The parties shall remove irredentist contents in their school textbooks and education materials.

- The parties shall support and encourage contacts, exchanges and meetings between the citizens, civil societies and public institutions of their countries.

- Apart from the sectors identified in the preamble of the agreement, the fields of education, science, culture, technology, as well as health and sports are defined as the areas of co-operation between the parties.

- The provisions of the article shall remain in force for an indefinite period of time without any modifications.

Despite the achievement of North Macedonia in maintaining the word of "Macedonia" in its name, the Prespa Agreement caused a significant change in the identity of the country. The agreement interfered to the country's right to self-determination with its chosen name. Macedonians accepted to qualify their name with an adjective to show their respect to the Greece's Macedonia region. It also forced Macedonia to interpret its history, language, identity and culture in a certain way [5. P. 72]. The North Macedonia gave up its ownership claims over the Ancient Macedon Empire and committed itself to the Slavic history. Hence, North Macedonia accepted to reject the historical links between the its own populations and Ancient

Macedon Empire, which was extensively used in the nation formation process experienced after the independence of the country, especially during the name dispute with Greece. On the other hand, Greece said yes to a name including the word Macedonia by giving up its claims for a monopoly over the use of the name Macedonia. Greece guaranteed its monopoly over the ownership of the Ancient Macedonian history. In addition, Greece acknowledged the existence of Macedonian nation and language, but the distinction of the Macedonian culture from the Slavic or Hellenic cultures is approved by the parties.

The official ratification of the Prespa Agreement according to the constitutional procedures of the parties became one of the greatest challenges for the success of the agreement. Despite the difficulties faced during the approval processes, the two countries became successful in completing this thorny process. Both leaders showed a great determination in order to ensure the approval of the agreement and faced with lots of objections and critics. Greek Prime Minister Tsipras even sacrificed his foreign minister Nikos Kotzias, who was Prespa negotiator of the country, to keep its coalition partners together for a time period enough for the end of the ratification process [2. P. 3-4]. During the ratification process, North Macedonia conducted a non-compulsory referendum through which the people were asked whether they are in favour of EU and NATO membership by accepting the agreement between Macedonia and Greece. More than 90 percent of the participants said yes and stated their support for the name change. However, the failure of the referendum in achieving a voter turnout of 50 percent, which is required for its validity, led to further debates during the approval process of the agreement [13. P. 62]. The ratification process of the Prespa Agreement and the conduct of necessary constitutional amendments were completed on January 2019 in North Macedonia. Upon finalisation of the ratification process in North Macedonia, Greece ratified the agreement in the same month and the implementation phase started. Besides, Greece notified both the EU and NATO about the removal of its veto regarding the membership of North Macedonia to these organisations.

Conclusion

After the dissolution of Yugoslavia, the historical Macedonian Question came back to the Balkan politics with its redefined version between Greece and Macedonia and called as

the name dispute. The Republic of Macedonia, as one of the constituent units of Yugoslavia, reached its independence in 1991 and it immediately started to have problems with the neighbouring Greece. The name including the word of Macedonia, the use of symbols belonging to the Ancient Macedon Empire, the irredentist intentions showing itself as an enthusiasm for establishing relations with the nationals in the neighbouring states constituted the major issues of contestation between the parties.

Under the influence of this dispute, Macedonia could be able to become a member of the UN with a provisional name and mostly conducted its international relations with this temporarily given name. Despite the continuation of the dispute, the parties signed a document named the interim accord in 1995. Thanks to this document, they solved the great majority of the conflictual issues in their relations except the critical name one. Afterwards, the parties achieved normalisation in their relations until the Greek decision to blockade the NATO integration of Macedonia in 2008.

After Greek decision to blockade the NATO membership of Macedonia, the name dispute turned into a deadlock once again. Each side responded the negative actions taken by the other side with some provocations and these acts of retaliation caused the worsening of the relations. This impasse was overcome with the signature of the Prespa Agreement in 2018. With this Agreement, the parties made an open choice to improve their mutual dependences in many fields, as well as to enhance stability in the region.

In the current state of affairs, Greece and North Macedonia are trying to carry out their obligations under the Agreement to promote their relations to the level of strategic partnership and the Prespa Agreement has showed a good performance as a solution of the name dispute until now. However, it is too early to define the exact performance and potential of the Prespa Agreement as a solution of the dispute. The willingness of the parties to stay committed to the agreement will be definitive in terms of the fate of the dispute.

References:

1. Alic, A., 2019. Macedonia: Naming the Future. ETH Zurich. URL: <https://css.ethz.ch/en/services/digital-library/articles/article.html/108671/pdf>
2. Armakolas, I., Petkovski, L., 2019. Blueprint Prespa? Lessons Learned from the Greece-North Macedonia Agreement. Skopje Freidrich Ebert Stiftung. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/skopje/15509.pdf>
3. Ayhan, H., 2019. Makedonya ile Yunanistan Arasındaki İsim Sorununun Çözümünde Arabuluculuğun Etkisi. [The Effect of Mediation in the Resolution of the Name Question Between Macedonia and Greece]. *Kırıkkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. [Kırıkkale University Journal of Social Sciences]*. Volume 9. No.1. P. 215-244.
4. Azizi, A., 2012. Analysis on European Future of Macedonia: The Greek Obstacle of the Name Issue. *International Journal of Social Sciences and Humanity Studies*. Volume 4. No.1. P. 1-8.
5. Daskolovski, Z., 2017. Clashing Historical Narratives and the Macedonian Name Dispute: Solving the Unsolvable. *Trames*. Volume 21. No. 4. P. 327-343. DOI:10.3176/tr.2017.4.03
6. Devrim, D., Marsic, T., 2009. Croatia, Macedonia and the EU: Setting the Bar Too High. *Notes Internacionais*. No. 8.
7. Frčkoski, D.L., 2009. The Character of the Name Dispute between Macedonia and Greece. *Progress Institute for Social Democracy: Skopje*.
8. Iljevski, Z., Taleski, D., 2009. Was the EU's Role in Conflict Management in Macedonia a Success. *Ethnopolitics*, 8(3-4), 355-367. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449050903086955>
9. Ivanovski, H., 2013. The Macedonia-Greece dispute/difference over the name issue: mitigating the inherently unsolvable. *New Balkan Politics*. No. 14. P. 48-80.
10. Janev, I., 1999. Legal Aspects of the Use of a Provisional Name for Macedonia in the United Nations System. *The American Journal of International Law*. Volume 93. No.1. P. 155-160. DOI: <https://doi.org/10.2307/2997959>
11. Joseph, E.P., Vangelov, O., 2018. Breakthrough in the Balkans: Macedonia's New Name. *Survival*. Volume 60. No. 4. P. 37-44. DOI: <https://doi.org/10.1080/00396338.2018.1495426>
12. Kofos, E., 1999. Greece's Macedonian Adventure: The Controversy over FYROM's Independence and Recognition. URL: <http://www.macedonian-heritage.gr/VirtualLibrary/downloads/Kofos19990705.pdf>.
13. Kostoska, O., 2018. Macedonia's Stalled Bid for EU Membership: Is the Solution in Sight. *Romanian Journal of European Affairs*. Volume 18. No. 2. P. 54-76.
14. Maleska, M., 2012. Rece with Time: Name Dispute between Macedonia and Greece. *SEEU Review*. Volume 8. No.1. P. 121-131.

15. Marolov, D., 2013. The Relations Between Macedonia and Greece in the Context of Name Issue. *Balkan Araştırmaları Enstitüsü Dergisi*. Volume 2. No.1. P. 23-34.
16. Markovic, N., Nikolov, M., 2017. Aspects of the Name Dispute Between Macedonia and Greece: Symbols, Conflict and Economic Costs. *CEA Journal of Economics*. Volume 12. No. 2. P. 85-98.
17. Mavromatidis, F., 2010. The Role of the European Union in the Nam Dispute between Greece and FYR Macedonia. *Journal of Contemporary European Studies*. Volume 18. No.1. P. 47-62. DOI: <https://doi.org/10.1080/14782801003638703>
18. Nikolovski, Z., 2005. Nimetz Proposal For Macedonia's Name Sparks Debate. *Southeast European Times*. URL: http://www.setimes.com/cocoon/setimes/xhtml/en_GB/features/setimes/features/2005/04/14/feature-02.
19. Rohnewald, S., 2018. Citizenship, Ethnicity, History, Nation, Region and Prespa Agreement of June 2018 between Macedonia and Greece. *Südosteuropa*. No. 4. P. 577-593.
20. Satanakis, S.M., 2018. Greece and the Former Yugoslav Republic of Macedonia: The Prespa Agreement. What Comes Next? *AEIS Fokus*. No. 6. URL: https://www.aies.at/download/2018/AIES-Fokus_2018-06.pdf.
21. Shea, J., 2008. Macedonia and Greece: The Struggle to Define a New Balkan Nation. McFarland Publishing.
22. Shelton, J.T., 2017. Diagnosing Europe: Greece, Macedonia, and the Meaning of Crisis. *New Perspectives*. Volume 25. No.2. P. 17-48.
23. Shtërbani, S., 2018. The Macedonia Name Dispute: ICJ's Decision and Its Legal Approach. *Juridica*. Volume 14. No.1. P. 101-112.
24. Stanishkovska A.C., Christidis, Y., 2018. Breaking the Hostility Discourse: Border Security Cooperation between Athens and Skopje Since the Beginning of Refugee Crisis (2015-June 2018). *Contemporary Macedonian Defence*. Volume 18. No.35. P. 9-26.
25. Tangör, B., 2008. Avrupa Güvenlik Yönetişimi: Bosna, Kosova ve Makedonya Krizleri [European Security Governance: Bosnia, Kosovo and Macedonia Crises]. Seçkin Yayıncılık.
26. Tezcan, G., 2019. Gruevski'den Zaev'e Makedonya'nın İç ve Dış Politikasındaki Gelişmeler [Developments in Macedonia's Internal and Foreign Policy from Gruevski to Zaev]. *Gümüşhane Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Elektronik Dergisi*. [Gümüşhane University Institute of Social Sciences Electronic Journal]. Volume 10. No. 2. P. 21-33.
27. Tziampiris, A., 2005. The Name Dispute in The Former Yugoslav Republic of Macedonia After the Signing of the Interim Accord. *Athens-Skopje: An Uneasy Symbiosis 1995-2002*. Kofos, Evangelos and Vlasidis, Vlasidis (Eds.), Hellenic Foundation for European and Foreign Policy. P. 225-252.
28. Tziampiris, A., 2011. Greece and the Macedonian Question: An Assesment of Recent Claims and Criticisms. *Southeast European and Black Sea Studies*. Volume 11. No.1. P. 69-83. DOI: <https://doi.org/10.1080/14683857.2011.556428>
29. Tziampiris, A., 2012. The Macedonian Name Dispute and European Union Accession. *Southeast European and Black Sea Studies*. Volume 12. No. 1. P. 153-171. DOI: <https://doi.org/10.1080/14683857.2012.661225>
30. Vangeli, A., 2011. Nation-building Ancient Macedonian Style: The Origins and the Effects of the So-called Antiquization in Macedonia. *Nationalities Papers*. Volume 39. No. 1. P. 13-32. DOI: <https://doi.org/10.1080/00905992.2010.532775>
31. Yarovova T.V., Litvinova T.N., 2017. Authoritarian Revival in South Eastern Europe: Origins and Trends. *Journal of Law and Administration*. No. 4. P. 97-102. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2017-4-45-97-102>

ОТ СПОРА О НАЗВАНИИ К ПРЕСПАНСКОМУ СОГЛАШЕНИЮ: ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГРЕЦИЕЙ И СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИЕЙ

Введение. Почти тридцать лет в отношениях между Грецией и Республикой Македонией доминировал спор о названии страны. Он стал одной из хронических нерешенных проблем в мире. В течение длительного периода непонимания между сторонами изредка появлялись надежды на решение, которые вновь сменялись разочарованием и ростом напряженности. Некоторые из этих событий, привносящие новые нюансы в спор, могут быть обозначены как поворотные пункты. В настоящее время диалог перешел в новую фазу после подписания в 2018 году Преспанского Соглашения между Грецией и Северной Македонией.

Материалы и методы. В статье представ-

лен исторический анализ спора о названии. Его развитие, от возникновения до нынешнего положения дел, анализируется на основе предыдущих исследований, проведенных по данному вопросу, со ссылками на высказывания ведущих политических деятелей.

Результаты. Спор о названии изучен с акцентом на ключевые поворотные моменты. В ходе развития конфликта Временное соглашение 1995 года, Бухарестская встреча НАТО 2008 года и Преспанское Соглашение определены как поворотные пункты в споре.

Обсуждение и выводы. В статье делается вывод о том, что еще слишком рано объявлять об окончательном прекращении конфликта на

основе Преспанского Соглашения, которое символизирует достижение окончательного консенсуса между сторонами. Несмотря на растущие надежды, историческая продолжительность спора заставляет нас констатировать, что готовность сторон сохранять приверженность Соглашению будет иметь решающее значение с

точки зрения будущих отношений между Грецией и Македонией.

Севен Эрдоган,
PhD (доктор философии), доцент кафедры
международных отношений, Ризе, Турция

Ключевые слова:

спор о названии, Греция, Македония,
бывшая югославская Республика
Македония, Северная Македония,
македонский вопрос, временное
соглашение, Преспанское Соглашение

Keywords:

Name Dispute, Greece, Macedonia, Former
Yugoslav Republic of Macedonia, North
Macedonia, Macedonian Question, Interim
Accord, Prespa Agreement

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО ПРАВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Сергей Еремин*

DOI 10.24833/2073-8420-2020-4-57-15-24

Введение. В статье, на основе современного подхода, приводится анализ нормативных правовых актов, которые повлияли на историю развития финансового права как в России, так и в зарубежных странах. В качестве предмета исследования рассматривается как в ретроспективе, так и в разрезе статистики и динамики современного научного знания финансовое право как современный объект научного интереса.

Материалы и методы. Методологическая база для данного исследования представляет собой совокупность приемов научного познания: аналитический метод, метод синтеза и обобщения информации. Исследование данной проблематики опирается на использование различных методов общенаучного и специально-юридического характера: догматический анализ, толкование правовых норм, детальную проработку особенностей финансово-юридических документов, логический метод.

Результаты исследования. Анализ показал, что становление финансового права как в России, так и в иностранных государствах, связано с появлением денежных (обменных) операций и возникновением государства. Источники финансового права, дошедшие до наших дней, видоизменялись, трансформировались и образовывались новые. Новая финансовая система государства сформировалась благодаря его самостоятельности в управлении и создании финансовых ресурсов.

Обсуждение и заключение. В результате исследования выявлено, что появление базовых инструментов экономических отношений стало основой для развития финансового права в качестве самостоятельной отрасли. Вследствие появления и развития рыночных отношений постепенно происходит эволюция общественных отношений, непосредственным регулятором которых является финансовое право. Разработка новых норм финансового права должна учитывать, должна предусматривать данную особенность. Таким образом, уровень воздействия на общественные отношения достигнет наибольшей эффективности.

* **Еремин Сергей Геннадьевич**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
e-mail: eremin_100@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1599-391X

Введение

Существующая современная система источников права, включающая в себя как нормативно-правовые акты, так и труды известных ученых, имеет особенности, значимые для исследования в рамках демократической системы государственного управления с развитой рыночной экономической системой. В этой связи С.В. Рыбакова в своих трудах раскрывает элементы системы государства, непосредственно влияющие на развитие юридических отраслей как в совокупности, так и, в частности. Триаду оказывающих влияние факторов составляют: государственное устройство, правосознание населения и экономическая система страны [24. С. 41]. Следует согласиться с тем, что экономическая составляющая неизбежно коррелирует с большинством как точных, так и гуманитарных наук. Правовая и экономическая системы любого государства всегда находятся во взаимозависимости. Профессор Н.И. Химичева отмечает расширение отрасли финансового права обусловлено рядом изменений в стране различного характера, которые потребовали создания новых механизмов финансовой системы [17. С. 661]. Этот тезис доказывает актуальность исследования финансового права как обособленного элемента системы права, а также его практическую значимость, причем как в *ретроспективе*, так и в разрезе *статистики и динамики* современного научного знания. Данный тезис доказывается и тем, что финансовое право представляет собой важную структурную составляющую всего комплекса юридических наук, которые, в свою очередь, входят в систему наук общественных, тех, которые изучающих различные социальные явления [6. С. 21].

Исследование

По мнению многих исследователей, середина XIX века стала периодом приобретения финансовым правом характера обособленной законодательной отрасли [30. С. 437-500]. Стоит отметить, что появление государства, а затем и права, привело к постоянному взаимодействию данных явлений с возникающими экономическими отношениями и их элементами [32. С. 97-103]. Исходя из этого, можно выдвинуть предположение о том, что одновременно с этим появились и финансово-правовые установки. Доказательством данной гипотезы можно считать, например, то, что финансовые опе-

рации в Древнем Египте осуществлялись еще в 2700 г. до н.э. Геродот писал, что «до времени царя Рамписината <...> при хороших законах Египет достиг великого процветания. Однако его преемник Хеопс вверг всю страну в пучину бедствий» [1. С. 26-28]. Древнегреческий историк также указывал: «Амасис также издал вот такое постановление египтянам: каждый египтянин должен был ежегодно объявлять правителю округа свой доход. А кто этого не сделает и не сможет указать никаких законных доходов, тому грозила смертная казнь. Еще и поныне он там сохранился как самый превосходный закон».

Также особое внимание исследователей привлекает римское право, которое получило, по мнению И.А. Покровского, свое окончательное выражение в своде «Corpus Juris Civilis» («Свод Юстиниана»). Ученый поясняет, что возникновение и развитие новых народов было бы невозможно без римского права, представлявшего собой совокупность юридических норм того времени [21. С. 58]. Так, в Древнем Риме (в период реформаторства Сервия Туллия), каждый, в соответствии со своим достатком, должен был оплачивать подать (трибут), назначавшаяся, в случае необходимости, царем. При условии благополучного исхода текущих военных действий, вся сумма возвращалась плательщику. Если выражаться современным языком, то этот платеж был краткосрочным займом в пользу государственной казны. В период республики Сенат, как высший административный орган, осуществлял регулирование и контроль за рядом финансовых процессов: чеканкой монет, осуществление бюджетной политики, выделение денежных средств для отдельных магистратов и др. Для абсолютной монархии характерно наделение императорских чиновников функциями органов центрального, в т.ч., контроль за государственным бюджетом и взыскание государственных податей. Император в 31 г. до н.э. Октавиан Август для стимулирования системы налогообложения и налаживания данной процедуры приказал провести перепись населения, взимание как прямых, так и косвенных налогов. Основными прямыми налогами были поземельный налог (1/10 часть дохода) и подушная подать. К косвенным налогам можно отнести налог с оборота (1%), налог с оборота при торговле рабами (4%) и налог на освобождение рабов (5%). Помимо этого, император требовал представления податной декларации от каждого горожанина в фиксированный день.

Такие исторические примеры, как «Законы XII таблиц», «Законы Хаммурапи», «Русская правда», «Великая Хартия Вольностей», позволяют согласиться с позицией С.С. Тройской о том, что историческое начало финансово-правовой отрасли является основополагающим для анализа современной системы финансового права [26. С. 254-259]. В свою очередь А.Н. Козырин для более глубокого понимания начала возникновения и эволюции финансового права использует исторический подход и обращается к высказыванию П.С. Климентьева касательно того, что финансы имеют мистическое значение. Научные исследования в области финансов направлены на рассмотрение эволюции развития элементов финансовой системы, ее инструментов и роли государства в этой системе [10. С. 5]. Да, безусловно, применяемые в Древнем мире и позднее, в эпоху Средневековья, финансово-правовые инструменты не вполне отвечают современному представлению и пониманию. Однако, например, С.Ф. Платонов смог доказать, что общепризнанные на современном этапе финансово-правовые категории были формализованы в разные исторические периоды в соответствующих правовых актах, однако, в силу очевидных обстоятельств, они просто не сохранились. Интересный тезис приводит еще один известный историк – В.О. Ключевский. Финансовая система Древнерусского государства исторически формировалась с момента объединения восточнославянских земель в конце IX в [14. С. 75]. Также необходимо отметить значение реформ Петра I для становления финансовой системы государства. Однако, что также неоспоримо, славяне издавна обитали в пределах русской равнины и поселились еще задолго до Рождества Христова. Следовательно, государственность и финансовая система использовались ими задолго до указанного столетия [12. С. 569].

По мнению зарубежных ученых, как в Древнем мире, так и в период Средневековья, понятие о бюджете, в целом, отсутствовало. Так, у Ф. Броделя мы видим, что уникальным моментом развития финансового права стала бюджетная роспись французского правительства в 1523 г. В реальности, основными держателями средств государственного бюджета являлись различные посредники, тем самым, имея возможность собственного обогащения. В XII в. Появился институт госзайма и понятие государственного долга, так как ряду стран пришлось прибегнуть к привлечению дополнитель-

ных средств в государственный бюджет. Англия стала ярким примером государства, которое собственноручно стало формировать государственный бюджет и контролировать государственные финансы. В XIII в. поступление доходов в государственную казну контролировалось новым органом – казначейством во главе с лордом-казначеем [4. С. 525]. Следует отметить, что к налоговым доходам в то время относились весьма сдержанно; как показывают исследования Ж. Бодена, собранные налоговые поступления использовались лишь в ситуациях крайней необходимости, таких как войны или бедствия. В этой связи, государственный бюджет в основном пополнялся доходами от домена (королевского, государственного имущества) и привилегиями на получение определенных видов государственных доходов (регалий).

Делая предварительный вывод, можно заключить, что становление финансового права, равно как и создание финансовой системы государства, происходило долго и сложно; значительный вклад, при этом, делался и государством, и наукой. Как совершенно верно писал В.А. Лебедев еще в XIX в. о том, что развитие финансового права шло одновременно с появлением государства, так как начало становления государственности уже требовало возникновения экономических отношений и финансовых операций. Ввиду этого, законодательство в сфере финансов того времени и далее формировалось путем проб и ошибок, и можно сказать, что в настоящее время оно всё еще имеет свои недочеты в частности в сфере его влияния на правовую систему в целом [15. С. 9].

Как уже отмечалось ранее, такие важнейшие исторические документы, как Великая хартия Вольностей, законы Хаммурапи, Ману-смрити, кодекс Юстиниана, уже содержали финансово-правовые нормы. К примеру, Великая хартия Вольностей закрепляет положение о том, что без согласия парламента король не может взимать налоги с населения. Британский законодатель уточняет «ни щитовые деньги, ни пособия не должны взиматься в королевстве нашем иначе, как по общему совету королевства нашего» [31. С. 98]. Однако лишь увеличение в конце XIX в. числа финансово-правовых актов, что произошло по мнению К.С. Бельского, в связи с завершением становления буржуазного общества и превращения денег в «могучую силу» [3. С. 12], позволило признать финансовое право обособленной отдельной самостоятельной от-

расплю знаний, с помощью которой стала возможна систематизация и классификация финансово-правовых норм. Взаимосвязь экономики и финансовой отрасли права безусловна. Непрерывное воспроизводство лежало в основе развития человеческого общества. Еще со времен Древнего Рима население постепенно пришло к пониманию таких вещей, как денежный обмен, торговля и экономические отношения. В трудах древнегреческого философа Аристотеля отражена идея преобразования денежных средств в капитал - денег, порождающих деньги для их собственника. В эпоху Средневековья в экономических отношениях доминировал меркантилизм (первая школа буржуазной политэкономии). Основными целями данного направления являются накопление драгоценных металлов в стране и препятствие оттоку капитала из страны. С развитием рыночных отношений меркантилизм совершенствовал свои идейные направления, акцентируя внимание уже на развитии международной торговли, производства внутри страны и обеспечения положительного сальдо торгового баланса [2. С. 18-34].

Активная институционализация экономических отношений привлекала известных личностей, среди которых: И. Бентам, П. де Бугильбер, Ф. Кенэ, Дж. Ло, Т. Мальтус, Дж. Милль, Р. Оуэн, У. Петти, Д. Рикардо, М.М. Сперанский, В.Н. Татищев, Н.И. Тургенев, Д. Юм и пр. Они открывали и объясняли фундаментальные явления, обусловленные развитием экономических отношений, например, кредит, закон стоимости, причины кризисов, прибыль, спрос и предложение, трудовая теория стоимости, количественная теория денег, производство и воспроизводство, налоговая система, экономический интерес и многое другое. Интересно будет заметить, что некоторые из названных деятелей внесли свой вклад в науку о финансах весьма своеобразным способом [16. С.13]. Так, Дж. Ло, будучи в должности министра финансов, прославился как «заправитель финансовых судеб государства путем безграничного выпуска денежных знаков». Шотландский экономист создал уникальную систему улучшения кредита страны и увеличения доходов государственной казны. При Петре Великом Россия активно интересовалась французским опытом развития экономики и ее управлением. На этом фоне успех финансовых операций Джона Ло был воспринят с повышенным интересом. Петр I, как и представители других стран, желали перенять идеи знаменитого экономиста,

приглашая его в свои страны. Его достижения послужили основой для дальнейшего исследования знаменитым государственным деятелем и ученым М.Ф. Орловым кредитной системы. Орлов охарактеризовал создаваемую систему «дерзкой, искусной, которая одна могла спасти правительство от неминуемого банкротства, ежели б не была искажена неопытностью, нетерпением и бессовестностью» [18. С. 351]. Еще один знаменитый ученый А. Готторп рассматривал финансовую систему Джона Ло в своих трудах. Совокупность данных исследований стала научной опорой для формирования современной финансово-экономической системы Российской Империи на длительном историческом промежутке.

По мнению В.А. Федорова и О.В. Бурика, идеи неоклассической школы государственных финансов стали базой для формирования современной теории. Финансовый неоклассицизм акцентировал внимание на возможность жесткого регулирования экономики для достижения собственных целей путём принуждения посредством издания законодательных актов. Также представители неоклассической школы исследовали положения различных экономических теорий, например, налоговой теории услуг и теории государственных расходов [27. С. 69]. Главенствующим в иерархии источников права XIX-XX веков источником был закон. Так, в ст. 47 Основных Законов отмечалось: «Империя Российская, управляется на твердом основании положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих» [25. С. 351]. И.Т. Тарасов конкретизирует, что источниками финансового права служили также административные распоряжения и обычаи в той мере, в какой это было допущено законом. Исходя из ст. 53 Основных Законов, законы подлежали изданию «в виде уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов, инструкций, удостоенных Высочайшего утверждения». Также, стоит отметить, что на рубеже веков одним из источников финансового права были «временные правила». Издание таких правил 8 марта 1906 г., посвященных порядку рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, послужило ограничению компетенций Государственной Думы по вопросам бюджета. Согласно данным правилам, Государственная Дума не могла изменять и исключать доходы, внесенные в проект росписи на основании законов или по личному указанию царя. Возможностью устанавливать сумму госзаимов

и определять время и условия их осуществления обладал только Комитет финансов, членом которого назначал царь. Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. финансовые отношения носили весьма сложный характер в связи с тем, что финансовое право только начало принимать вид самостоятельной отрасли права, что способствовало появлению новых способов в регулировании таких отношений.

Развитие рыночных отношений, усложнение механизмов государственного регулирования экономики с начала XX в. предопределили более тесную взаимосвязь финансовой и экономической системы. Эта тенденция потребовала от финансового права своевременной и актуальной разработки соответствующих документов для обеспечения функционирования и реализации закономерностей экономики. Актуальность исследования такой необходимости разработки правовых актов отображена в различных научных трудах и практической юриспруденции [33. С. 28-31]. Кроме того, что важно, в этот период также активно развивалась русская финансовая школа (Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте, П.П. Гензель, В.А. Лебедев, Ф.Б. Мильгаузен, М.Ф. Орлов, И.Ю. Патлаевский, М.М. Сперанский, И.Т. Тарасов, И.И. Янжул и пр.), что в результате позволило финансовому праву обрести самостоятельность в развитии наряду с другими юридическими науками [5. С. 312]. Советский период закрепил за страной плановый характер экономики и установил социалистическую модель управления финансами. Эти события закрепили роль финансовой отрасли права как посредника в исполнении решений коммунистической партии (КПСС). В трудах М.В. Карасевой подчеркивается низкий темп развития данной отрасли после Октябрьской революции. Установившийся социалистический строй повлиял в значительной степени на сокращение роли финансов [28. С. 56]. В Советской России рассматриваемая категория стала предметом исследования таких ученых, как В.В. Бесчеревных, Л.К. Воронова, М.А. Гурвич, М.И. Пискотин, Е.А. Ровин-

ский, С.А. Котляровский, С.Д. Цыпкин, Р.О. Халфина, Н.И. Химичева [30. С. 464] и др.

Стоит отметить важное значение принятия Конституции РСФСР в 1918 году¹. Определение понятия «бюджетное право» было закреплено в разделе 5 Конституции РСФСР как финансовая политика государства, в контексте новых экономических условий развития государства. Также Основной закон государства определил два важнейших ориентира для бюджетной политики: контроль эмиссии денежных средств и преодоление дефицита бюджета. Новая Конституция СССР 1924 г. четко не определяла финансовой деятельности государства. Часть 1, глава 1 закрепляет вопросы ведения СССР как верховного органа: «утверждение единого государственного бюджета Союза Советских Социалистических Республик, в состав которого входят бюджеты союзных республик; установление общесоюзных налогов и доходов, а также отчислений от них и надбавок к ним, поступающих на образование бюджетов союзных республик; разрешение дополнительных налогов и сборов на обоснование бюджетов союзных республик»². На тот момент, только ВЦИК и СНК (Совет народных комиссариатов) имели право издания законодательных актов. В пример можно привести Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 27.09.1926 «О хозяйственных операциях учреждений, состоящих на государственном бюджете»³. С принятием новой Конституции СССР 1936 г. правовая система была детализирована – установилась иерархическая система источников права и их разделение на категории. Однако Конституция 1936 г. также не включала в себя отдельный раздел, раскрывающий финансовую деятельность СССР и ее направления. Дублировались только определенные положения Основного закона 1924 г.

Примечательно, что с момента принятия Конституции 1936 г. произошло увеличение числа Указов Президиумов и актов Совета Министров СССР. Эти документы регулировали денежные фонды и активы для обеспечения надлежащего удовлет-

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

² Постановление II Съезда Советов СССР от 31.01.1924 «Об утверждении Основного Закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик» // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2. Ст. 24.

³ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 27.09.1926 «О хозяйственных операциях учреждений, состоящих на государственном бюджете» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, N 64, 28.10.1926.

ворения потребностей населения. Ярким примером является Постановление Совета Министров СССР от 23.06.1938 г. «О дополнительных мерах по развитию финансового хозяйствования»⁴. Кроме того, увеличилось число подзаконных актов Министерства финансов СССР и Государственного банка СССР. Можно привести пример Приказа Министерства финансов СССР от 04.10.1939 «О мерах по укреплению финансовой дисциплины при исполнении бюджетного законодательства»⁵. Уже в период, когда понятие финансового права практически отсутствовало были сформированы нормативно-правовые акты местного уровня власти, которыми регулировались экономические отношения.

Сороковые годы XX в. вновь позволили посмотреть на финансовое право, как на самостоятельный элемент правовой системы. Ведущие вузы России стали упоминать это понятие в различных юридических теориях. Именно в это время публикуются труды М.А. Гурвича [7. С. 258-300], Р.О. Халфиной и др., выделяющие финансовое право в отдельную отрасль. Р.О. Халфина отмечала, что развитие финансового права в самостоятельном ключе произошло, благодаря особенности объекта и предмета правового регулирования, а именно, управление государства в области привлечения денежных средств в государственный бюджет. Так, принятие Закона СССР от 30.10.1959 «О бюджетных правах Союза ССР и союзных республик»⁶ позволило союзным республикам более самостоятельно формировать и утверждать бюджет. Помимо этого, данный закон стал началом расширения нормативно-правовой базы в бюджетной сфере, например принятая Конституция 1977 г. Статья 131 излагает, что «Совет Министров СССР разрабатывает и осуществляет меры по укреплению денежной и кредитной системы, а также разрабатывает и вносит в Верховный Совет СССР государственный бюджет»⁷.

Принятие важных документов, а именно Конституций союзных и автономных респу-

блик, совместные постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, стало новым витком развития финансового правовой отрасли. К примеру, Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17.07.1977 «О совершенствовании системы банков в стране и усилении воздействия на повышение эффективности экономики». Помимо этого, другие подзаконные акты осуществляли регулирование финансовой деятельности и системы государства, например, Письмо Минфина СССР от 16.01.1975 № 4 «О порядке составления сводных балансов расходов и доходов», а также нормативно-правовые акты местного уровня, составлявшие автономное звено в структуре финансового законодательства того времени.

В это период формируется теория нормативного договора, как указывал известный российский ученый В.В. Иванов, советской правовой системе была присуща тенденция договорных отношений, которые в свою очередь, имели вспомогательное значение по сравнению с доминирующими нормативно-правовыми актами и редко входили в число источников права [11. С. 85-97].

Время интенсивного развития финансово-правовой отрасли права было сопряжено с моментом распада Советского Союза, расширения влияния государства на международной арене, смены плановой экономики на рыночную. Среди научных работ касающихся источников финансового права рассматриваемого периода стоит выделить работы: Н.М. Артемова, Е.М. Ашмариной, К.С. Бельского, Д.В. Винницкого, О.Н. Горбуновой, Е.Ю. Грачевой, А.В. Демина, С.В. Запольского, М.В. Карасевой, А.Н. Козырина, Т.В. Конюховой, Ю.А. Крохиной, А.Г. Пауля, В.А. Парыгиной, Г.В. Петровой, И.В. Рукавишниковой, Э.Д. Соколовой, А.А. Тедеева, Г.П. Толстопятенко, Н.И. Чужиковой, Н.И. Химичевой, А.А. Ялбулганова и др.

Принятая Конституция РФ 1993 г. стала основой для более интенсивного развития современного финансового права и его источников. На ее основе были при-

⁴ Постановление Совета Министров СССР от 23.06.1938 г. «О дополнительных мерах по развитию финансового хозяйствования // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР. 1926. № 14. Ст. 567.

⁵ Приказ Министерства финансов СССР от 04.10.1939 «О мерах по укреплению финансовой дисциплины при исполнении бюджетного законодательства» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1939. – № 19. – Ст. 25.

⁶ Закон СССР от 30.10.1959 «О бюджетных правах Союза ССР и союзных республик» // «Ведомости ВС СССР», 1959, N 44, ст. 221.

⁷ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // «Ведомости ВС СССР», 1977, N 41, ст. 617.

няты уставы всех уровней власти. В трудах Ю.А. Крохиной подчеркивается главенствующая роль Основного закона государства среди остальных источников права как регулятора финансово-экономических отношений в сфере формирования денежных фондов и государственного бюджета [14. С. 75]. В качестве примера законодательного раскрытия сущности финансовой деятельности государства и ее правовой организации можно привести статью 57 Конституции Российской Федерации, которая отражает, что плата законно установленных налогов и сборов является обязанностью каждого гражданина.

Мировая финансово-правовая система не может существовать без опоры на международное право и заключенные международные договоры РФ. Последние заслуживают рассмотрения в качестве особого источника финансового права, поскольку они являются частью правовой системы РФ и являются входящими во внутреннее право.

В связи с принятием Бюджетного и Налогового кодексов РФ были кодифицированы как существующие, так и новые дополнительные нормы финансового права. К другим источникам финансового права можно отнести отдельные нормативно-правовые акты, связанные с сопредельными ветвями системы права: например, Федеральный Закон «О банках и банковской деятельности», «О несостоятельности (банкротстве)», «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и др. Не стоит забывать и о подзаконных актах, а именно, указах Президента РФ, постановлениях Правительства, министерских актах (включая акты Министерства финансов, Центрального Банка и др.), инструкциях субъектов и ведомств, нормативно-правовых актах местного и регионального уровня.

Тезис Е.Ю. Грачевой подтверждает ранее приведенные аргументы в отношении финансового права. По мнению специалиста по финансовому праву, именно сформировавшаяся система рыночных отношений, пронизывающая все сферы жизни, побудила государство воздействовать на общественные процессы путём применения финансового инструментария и норм финансового права. Что подтверждает приведенную выше логику исторического развития рассматриваемой сферы научных интересов.

Таким образом, на данном этапе развития рыночной экономики происходит расширение предмета правового регулирования института финансов, которое дает

почву для новых исследований научному сообществу и ответственным за разработку нормативно-правовых документов. Более того, развитие экономических, финансовых и общественных отношений в целом, которые регулируют финансово-правовыми нормами, приобрело ряд новых особенностей. Данный факт неоспоримо повлияет на создание новых или совершенствование имеющихся положений финансово-правовых источников, которые в дальнейшем будут оказывать значительное влияние на любые общественные отношения. Более того, как писал по этому поводу С.С. Алексеев, в условиях реформирования и применения финансового права важно принимать во внимание тот факт, что действующая правовая система не предполагает и не должна допускать какой-либо конкуренции, противостояния или же противоборства между предписаниями частного и публичного права, так как являет собой «единый юридический механизм в обществе».

Результаты исследования

Результат проведенного исследования указывает на то, что отечественные и зарубежные тенденции развития финансового права самостоятельным путем зародились, а затем и усиливались, ввиду возникновения государства и совершенствования его экономической системы, денежного оборота, бюджетной политики. Однако, как отмечает Г.Г. Пиликин, из-за конфиденциальной закрытой политики использования финансово-правовых инструментов процесс детализации существующих финансово-правовых механизмов и конструкций происходит с медленной скоростью. Это является причиной множества научных споров и дискуссий вокруг существующих и исторически сложившихся финансово-правовых источников [20. С. 219]. Проведенное исследование доказывает обоснование тезиса о том, что создание финансовых институтов и современной финансовой системы происходило при переходе от косвенного управления финансовыми ресурсами страны к прямому, осуществляемому непосредственно государством.

Заключение

На основе данного исследования можно сделать вывод о том, что свою самостоятельность в системе права финансовое право получило, прежде всего, благодаря зарож-

дению основных базисных элементов экономической системы. Эволюция экономической системы, обладающая тенденцией расширения влияния государства и сосредоточение экономических элементов в его руках, неизбежно привело к развитию финансово-правовых институтов, регулирующих

экономические отношения. Таким образом, стремительно развивающиеся элементы финансово-правовой системы со временем приобрели публичный характер и соотносились как с внутренними, так и внешними функциями государства.

Литература:

1. Азаркин Н.М. Всеобщая история юриспруденции: Курс лекций. М., 2003.
2. Аникин А.В. Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1985.
3. Бельский К.С. Финансовое право: наука, история, библиография. М., 1995. Винницкий, Д.В. Налоговое право. М., 2014; Гражданское право / Под ред. С.А. Степанова. М., 2016.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV - XVIII вв. В 3-х томах: Т. 2: Игры обмена. М., 1988.
5. Всемирная история экономической мысли: В 6 т. Т. 3. М., 1987.
6. Грачева Е.Ю., Ивлиева М.Ф., Соколова Э.Д. Налоговое право. М., 2005.
7. Гурвич М.А. Советское финансовое право. М., 1952.
8. Демин А.В. Финансовое право. М., 2004.
9. Еремин С.Г. Теоретические аспекты к пониманию источника финансового права // Российская юстиция. 2010. № 2. С. 2-32.
10. Золотые страницы финансового права России. В 3-х томах: Т. 1. У истоков финансового права. М., 1998.
11. Иванов В.В. К вопросу о теории нормативного договора // Журнал российского права. 2000. № 7.
12. Ключевский В.О. Русская история. М., 2014.
13. Котляровский С.А. Финансовое право СССР. Ленинград, 1926.
14. Крохина Ю.А. Финансовое право России. М., 2011.
15. Лебедев В.А. Финансовое право: Золотые страницы финансового права России / Под ред. А.Н. Козырина. Т. 2. М., 2002.
16. Лушникова М.В. Наука финансового права на службе государству: российские государственные деятели и развитие науки финансового права (историко-правовой очерк): монография. Ярославль, 2010.
17. Научные труды Вып. 4. Т. 3: (сборник) / Российская академия юридических наук / Отв. ред. Гриб В.В. М., 2004.
18. Орлов М.Ф. О государственном кредите // У истоков финансового права. 1998. Т. 1.
19. Пауль А.Г. Процессуальные нормы бюджетного права / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. М.В. Карасевой. СПб., 2003.
20. Пиликин Г.Г. Становление финансового права России (теория и практика особой формы публичного права): монография / Под общей редакцией профессора С. В. Запольского. М., 2017.
21. Покровский И.А. История римского права. М., 2010.
22. Артемов Н.М., Ашмарина Е.М. Правовые основы налогообложения в Российской Федерации. М., 2003.
23. Парыгина В.А. Российское налоговое право. Проблемы теории и практики. М., 2005.
24. Рыбакова С.В. Российская финансово-правовая наука: история и современность // Вестник ТГУ. 2006. № 4.
25. Тарасов И.Т. Очерк науки финансового права. Ярославль, 1883.
26. Тройская С.С. История финансового права как часть предмета финансово-правовой науки // Современная теория финансового права: научные и практические аспекты общей части финансового права: материалы Международной научно-практической конференции. М.: РАП, 2012.
27. Федоров В.А., Бурик О.В. Финансовая наука в исследованиях зарубежных и российских авторов (краткий обзор) // Финансы и кредит. 2008. № 24 (312).
28. Карасева М.В. Финансовое право. М., 1999.
29. Халфина Р.О. К вопросу о предмете и системе советского финансового права // Вопросы советского административного и финансового права. М., 1952.
30. Финансовое право: учебник / Отв. ред. Н.И. Химичева. М., 2013.
31. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. (Древность и Средние века). М., 2004.
32. Чиркин В.Е., Шульженко Ю.Л. Конституционные принципы Российского общества // Двадцать лет Конституции Российской Федерации: юридическая наука и практика / Отв. ред. А.Г. Лисицын-Светланов. М., 2013.

33. Ялбулганов А.А. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) в системе источников российского налогового права / Финансовое право. 2006. № 6.; Ялбулганов А.А. Федеральные источники финансового права: вопросы систематизации и классификации // Финансовое право. 2007. № 2.

MODERN APPROACH TO THE HISTORY OF FINANCIAL LAW DEVELOPMENT IN RUSSIA AND ABROAD

Introduction. Based on a modern approach, the article provides an analysis of regulatory legal acts that have influenced the history of financial law development both in Russia and abroad. Financial law in addition is studied as an independent object of scientific interest both in retrospect and in the context of the statics and dynamics of modern scientific knowledge.

Materials and methods. The article is based on such techniques as: analysis, synthesis, abstraction, generalization, analogy, and others. The methodological basis of the research includes general scientific and special legal methods: system-structural, method of dogmatic analysis, method of interpretation of legal norms, method of legal and technical construction, comparative legal, formal legal, logical method, etc.

Results. The analysis showed that the formation of financial law, both in Russia and abroad, is related to the emergence of monetary (exchange) operations and the emergence of a state. The sources of financial law that have come down to our days have changed, transformed, and formed new ones.

The creation of a new financial system of the state is associated with the implementation of the state's functions for creating and managing financial resources without delegating the relevant authority to anyone.

Discussion and conclusion. The study showed that the formation of financial law as an Autonomous branch of law was predetermined by the emergence and development of such fundamental elements of economic relations as taxes, budget, money, etc. Social relations that were previously regulated by financial law are gaining new features. This is primarily related to the formation of market relations. This fact should be taken into account when developing new rules in future sources of financial law in order to achieve the most effective impact on public relations.

Sergey G. Eremin,
Candidate of Sciences (Law), Associate
Professor, Department of State and Municipal
Management, Financial University under the
Government of the Russian Federation

Ключевые слова:

право, история права, финансовое право,
источники финансового права

Keywords:

law, history of law, financial law, sources of
financial law

Литература:

1. Azarkin N.M., 2003. Vseobshhaja istorija jurisprudencii: Kurs lekciij [Universal history of jurisprudence: a course of lectures]. Moscow.
2. Anikin A.V., 1985. Junost' nauki: Zhizn' i idei myslitelej-jekonomistov do Marksa [Youth of science: the Life and ideas of thinkers - economists before Marx]. Moscow.
3. Bel'skij K.S. 1995. Finansovoe pravo: nauka, istoriya, bibliografiya [Financial law: science, history, bibliography]. Moscow. Vinnickij, D.V., 2014. Nalogovoe pravo: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata [Tax law: textbook for academic bachelor's degree]. Moscow; Grazhdanskoe pravo: uchebnik [Civil law: textbook]. Ed. by S.A. Stepanov. Moscow, 2016.
4. Brodel' F., 1988. Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm, XV - XVIII vv.: (v 3-h tomah): T. 2: Igry obmena [Material civilization, economy and capitalism, XV-XVIII centuries: (in 3 volumes): Vol. 2: Games of exchange]. Moscow.
5. Vsemirnaja istorija jekonomicheskoy mysli [World history of economic thought]: (V 6 t.). Moscow, 1987.
6. Gracheva E.Ju., Ivlieva M.F., Sokolova Je.D., 2005. Nalogovoe pravo. [Tax law]. Moscow.
7. Gurvich M.A., 1952. Sovetskoe finansovoe pravo [The soviet financial law]. Moscow.
8. Demin A.V., 2004. Finansovoe pravo [Financial law]. Moscow.
9. Eremin S.G., 2010. Teoreticheskie aspekty k ponimaniju istochnika finansovogo prava [Theoretical aspects to understanding the source of financial law]. *Rossijskaja justicija* [The Russian justice]. № 2. S. 2-32.

10. Zolotye stranicy finansovogo prava Rossii [Golden pages of financial law of Russia] (v 3-h tomah): T. 1. U istokov finansovogo prava [At the origins of financial law]. Moscow, 1998.
11. Ivanov V.V., 2000. K voprosu o teorii normativnogo dogovora [On the issue of the theory of the normative contract]. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law]*. № 7.
12. Kljuchevskij V.O., 2014. Russkaja istorija [Russian history]. Moscow.
13. Kotljarovskij S.A., 1926. Finansovoe pravo SSSR [Financial law of the USSR]. Leningrad.
14. Krohina Ju.A., 2011. Finansovoe pravo Rossii [Financial law of Russia]. Moscow.
15. Lebedev V.A. Finansovoe pravo: Zolotye stranicy finansovogo prava Rossii [Financial law: Golden pages of financial law of Russia]. Ed. by A.N. Kozyrin. T. 2. Moscow, 2002.
16. Lushnikova, M.V., 2010. Nauka finansovogo prava na sluzhbe gosudarstvu: rossijskie gosudarstvennye dejateli i razvitie nauki finansovogo prava (istoriko-pravovoj ocherk) [Science of financial law in the service of the state: Russian statesmen and the development of the science of financial law (historical and legal essay)]. Jaroslavl'.
17. Nauchnye trudy [Scientific works] Vyp. 4. T. 3: (sbornik) Rossijskaja akademija juridicheskikh nauk [Russian Academy of Law] / Ed. by Grib V.V. Moscow, 2004.
18. Orlov M.F., 1998. O gosudarstvennom kredite. U istokov finansovogo prava [On the state credit. The origins of financial law]. T. 1.
19. Paul' A.G., 2003. Processual'nye normy bjudzhetnogo prava: monografija [Procedural norms of budget law: a monograph]. Ed. by M.V. Karaseva. Saint Peterburg.
20. Pilikin G.G., 2017. Stanovlenie finansovogo prava Rossii (teoriya i praktika osoboj formy publicnogo prava): monografija [Formation of financial law in Russia (theory and practice of a special form of public law): a monograph]. Moscow.
21. Pokrovskij I.A., 2010. Istorija rimskogo prava [The history of the Roman law]. Moscow.
22. Artemov N.M., Ashmarina E.M., 2003. Pravovye osnovy nalogooblozhenija v Rossijskoj Federacii [The legal basis of taxation in the Russian Federation]. Moscow.
23. Parygina V.A., 2005. Rossijskoe nalogovoe pravo. Problemy teorii i praktiki [The Russian tax law. Problems of theory and practice]. Moscow.
24. Rybakova S.V., 2006. Rossijskaja finansovo-pravovaja nauka: istorija i sovremennost' [Russian financial and legal science: history and modernity]. *Vestnik TGU [Bulletin of the TGU]*. № 4.
25. Tarasov I.T., 1883. Oчерк науки finansovogo prava. Jaroslavl'.
26. Trojskaja S.S., 2012. Istorija finansovogo prava kak chast' predmeta finansovo-pravovoj nauki. Sovremennaja teoriya finansovogo prava: nauchnye i prakticheskie aspekty obshhej chasti finansovogo prava [The history of financial law as part of the subject of financial and legal science. Modern theory of financial law: scientific and practical aspects of the General part of financial law]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Materials of the international scientific conference]*. Moscow.
27. Fedorov V.A., Burik O.V., 2008. Finansovaja nauka v issledovanijah zarubezhnyh i rossijskih avtorov (kratkij obzor) [Financial science in researches of foreign and Russian authors (an overview)]. *Finansy i kredit [Finance and credit]*. № 24 (312).
28. Karaseva M.V., 1999. Finansovoe pravo [Financial law]. Moscow.
29. Halfina R.O., 1952. K voprosu o predmete i sisteme sovetskogo finansovogo prava [On the subject and system of Soviet financial law]. *Voprosy sovetskogo administrativnogo i finansovogo prava [Questions of Soviet administrative and financial law]*. Moscow.
30. Finansovoe pravo [Financial law]. Ed. by N.I. Himicheva. Moscow, 2013.
31. Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran. (Drevnost' i Srednie veka) [A chrestomathy on the history of state and law of foreign countries. (Antiquity and the Middle ages)]. Moscow, 2004.
32. Chirkin V.E., Shul'zhenko Ju.L., 2013. Konstitucionnye principy Rossijskogo obshhestva. Dvadcat' let Konstitucii Rossijskoj Federacii: juridicheskaja nauka i praktika [Constitutional principles of Russian society. Twenty years of the Constitution of the Russian Federation: legal science and practice]. Ed. by A.G. Lisicyn-Svetlanov. Moscow.
33. Jalbulganov A.A., 2006. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraja) v sisteme istochnikov rossijskogo nalogovogo prava [The tax code of the Russian Federation (part two) in the system of sources of Russian tax law]. *Finansovoe pravo [Financial law]*. № 6; Jalbulganov A.A., 2007. Federal'nye istochniki finansovogo prava: voprosy sistematizacii i klassifikacii [Federal sources of financial law: issues of systematization and classification]. *Finansovoe pravo [Financial law]*. № 2.

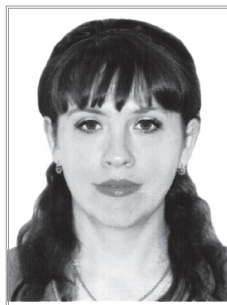
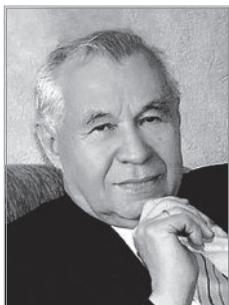
НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА: ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Валентин Гончаров*

Виктор Глазков**

Алина Бондарчук***

DOI 10.24833/2073-8420-2020-4-57-25-31

***Введение.** Трансформационные процессы, которые происходят в мире, приводят к созданию новых отношений и институтов. Создание непризнанных или частично признанных государств происходит повсеместно и остается актуальным на протяжении многих веков. Их возникновение обусловлено полити-*

ческими, экономическими, этническими, межкультурными и другими проблемами, игнорирование которых может привести к социальным взрывам и военным конфликтам. В настоящее время ни одна территория не застрахована от внешнего разжигания конфликтов, что стало легкодоступным в условиях цифровизации общества. Все более очевидным становится, что абсолютизация таких явлений, как демократия, сводный рынок, права человека во многих случаях лишь иллюзия, не является гарантом справедливости и правовой законности, нередко ведет к усилению насилия, несправедливости, обнищанию, военным конфликтам.

***Материалы и методы.** В процессе проведения исследования была применена совокупность подходов и методов, которые используются в рамках юридической науки – всеобщие, общенаучные, специальные методы познания: диалектический, логический, формально-юридический. Специфика предмета исследования обусловила применение сравнительного подхода.*

* **Гончаров Валентин Николаевич**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики предприятия и управления трудовыми ресурсами Луганского национального аграрного университета
e-mail: vgonch@lnau.su

ORCID ID: 0000-0002-2990-8026

** **Глазков Виктор Анатольевич**, кандидат юридических наук, профессор, ректор Луганской академии внутренних дел имени Э.А.Дидоренко

e-mail: lugavd@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2990-8026

*** **Бондарчук Алина Викторовна**, доктор экономических наук, доцент, начальник кафедры экономико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Луганской академии внутренних дел имени Э.А.Дидоренко

e-mail: akoval77@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9529-7139

Результаты. Авторы проводят сравнительную характеристику социально-экономических показателей развития Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, Народно-Карабахской Республики, Приднестровской Молдавской Республики, Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики. Особое внимание уделено сравнению размера территорий и численности населения непризнанных государств до и после конфликта. Приведена аналитическая информация относительно формирования бюджета непризнанных республик и численности населения, принявших гражданство Российской Федерации.

Обсуждение и заключение. Авторы приходят к выводу о том, что у непризнанных государств имеются все возможности не только сохранить, но и приумножить их экономический потенциал.

Исследование

В современном мировом сообществе насчитывается четыре непризнанных, четыре частично признанных государства и четыре государства, которые контролируют заявленные территории. Обращает на себя внимание также тот факт, что значительная часть непризнанных или частично признанных государств располагаются на территории бывшего СССР. Этот факт сам по себе заслуживает особого внимания, специального изучения и квалифицированной не только социально-политической, но и юридической оценки. Представляется важным установить, в частности, является ли это следствием несовершенства соответствующего правового пространства, ошибочной практики федерализации и слабости национальной политики, недостаточно адекватно учитывающей исторические, национальные, культурные и религиозные особенности общественного развития [12. С. 5-12; 13. С. 55-61]. Или это результат деятельности правящих элит постсоветских государств, не сумевших обеспечить должное социальное единство своего народа, сохранить целостность унаследованных территорий и обеспечить реальный государственный суверенитет [11. С. 38-58].

Фундаментальные отличия между «признанным» и «непризнанным» государствами практически отсутствуют. Все они имеют обособленную территорию, публичную власть, население, армию, правовую систему, организацию сборов и налогов, суверенитет, а также флаг, герб, гимн и др. Единственным ущемлением непризнанности является ограничение внешней политической и экономической жизни. Это вызвано тем, что признанные государства ограничивают свое общение с подобными террито-

риями из-за угрозы применения санкций в отношении них. В свою очередь статус «непризнанности» не позволяет привлекать инвестиции, участвовать в международных экономических проектах, ограничивает права и свободы его граждан на сотрудничество в международных культурных, образовательных, социальных и благотворительных проектах. Именно правовое и политическое признание таких территорий может гарантировать их выживание и развитие. Физико-географическое положение, социально-экономическое развитие, административно-территориальное деление, политическое устройство и международно-правовой статус «непризнанных» государств определяет масштабы гуманитарной и экономической помощи со стороны стран-союзников и международного сообщества, благодаря которым некоторые непризнанные государства выживают на протяжении многих лет.

Выделяют два подхода к определению права на независимость самопровозглашенных государств: первый - верховенство суверенитета, то есть принцип территориальной целостности государства, второй - приоритет права нации на самоопределение [1. С. 154].

По мнению А.В. Ковбана [2. С. 42], непризнанные государства появляются из-за отсутствия правовой преемственности с предыдущими государственными образованиями. И условно разделяет их по способу возникновения на: государства, образовавшиеся в результате революций; государства, образовавшиеся в результате национально-освободительной борьбы; государства, образовавшиеся в результате послевоенного разделения; государства, возникшие из-за получения независимости бывших колоний от метрополии.

Международное сообщество, по мнению Б.А. Ширяева и Т.В. Дробышевой [3. С. 25], склонно рассматривать проблему непризнанных республик как постсоветскую, в особенности российскую. Российская роль явно прослеживается в приднестровском, абхазском, южноосетинском и карабахском конфликтах. Однако она присутствует и в кризисах, которые не способствуют выработке прогнозов. Непризнанные государства воспринимаются сегодня как базис для возрождения российского величия в роли крупного регионального фактора, что подкрепляется историческим развитием конфликтов, приведших к появлению непризнанных государственных образований.

В этой связи актуальным становится изучение социально-экономического развития таких «непризнанных» государств как До-

нецкая и Луганская Народные Республики и сравнение их с историческим опытом становления экономической жизни в Республике Абхазия (РА), Республике Южная Осетия (РЮО), Народно-Карабахской Республике (НКР), Приднестровской Молдавской Республике (ПМР).

Военный конфликт в Луганской Народной Республике (ЛНР) и Донецкой Народной Республике (ДНР) спровоцировал не только отток населения, но и сопровождался потерями территорий. Самой большой непризнанной республикой на постсоветском пространстве остается НКР, что объясняется ее географическим положением, характеризующимся высокими горными хребтами не пригодными для сельского хозяйства и промышленности. Территории РЮО и ПМР сходны, однако уступают в размерах РА, ЛНР и ДНР в два раза (табл.1).

Таблица 1.

Сравнительная характеристика населения и площади непризнанных государств

Республики	Площадь, тыс. м2		Население, тыс. чел.	
	До конфликта	После конфликта	До конфликта	После конфликта
Луганская Народная Республика	26683	8760	2200,0	1460,0
Донецкая Народная Республика	26592	8540	4300,0	2290,0
Республика Абхазия	8665		527,0	244,0
Республика Южная Осетия	3900		99,0	53,0
Народно-Карабахская Республика	11500		137,7	150,9
Приднестровская Молдавская Республика	4163		730,0	475,7

При практически одинаковых размерах площадей численность населения ЛНР и ДНР в десятки раз превышает численность РА. Исторически сложилось так, что территории ЛДНР были густонаселенными с развитой промышленностью и инфраструктурой, которые сильно пострадали от боевых действий, продолжающихся и по сегодняшний день. Если в РА, РЮО и ПМР являются аграрными республиками с 80% сельского населения, то в ЛДНР доля городского населения составляет – 70-75%.

В результате военного конфликта ЛНР и ДНР потеряли более $\frac{2}{3}$ своей территории. Отток трудоспособного населения приводит к потере кадрового потенциала, что требует разработки дополнительных государственных механизмов сдерживания трудовой миграции.

Активные боевые действия, экономическая и финансовая блокада, отсутствие нормативно-правовой базы, потребность во внешней финансовой и военной помощи в непризнанных республиках привели не только к сокращению их территорий, но и к

физическому уничтожению трудового, промышленного, интеллектуального потенциалов. Несмотря на это, трудовой потенциал республик Донбасса в десятки раз превышает потенциал других непризнанных государств, что повышает ответственность за экономическое и социальное развитие данных территорий.

Республика Абхазия и Республика Южная Осетия от провозглашения независимости до признания Российской Федерацией прошли большой путь, который составил 14-16 лет, а Приднестровская Молдавская Республика и Народно-Карабахская Республика до настоящего времени остаются непризнанными ни одной страной мира. Международная политика Российской Федерации в отношении непризнанных государств начинает меняться с 2000 г. и к августу 2008 г. признание получают Республика Абхазия и Республика Южная Осетия, где 80% населения получили гражданство РФ. Это гарантировало пенсионное и медицинское обеспечение, социальные гарантии, образование для жителей непризнанных государств (табл. 2).

Таблица 2.

Международно-правовой статус непризнанных республик [4,8]

Показатели	РА	РЮО	ПМР	ЛНР	ДНР
Провозглашение независимости	26.11.1994 г.	29.05.1992 г.	2.09.1990 г.	12.05.2014 г.	11.05.2014 г.
Признание РФ	26.08.2008 г.	26.08.2008 г.	-	-	-
Доля населения, имеющих гражданство РФ на момент признания	80%	90%	50% (2017 г.)	227000 чел.	

Более 50% населения ПМР получили гражданство РФ благодаря Указу Президента ПМР № 348 «О реализации итогов республиканского референдума, состоявшегося 17 сентября 2006 года»¹. Согласно Указу Приднестровская Молдавская Республика начала процесс приведения своей законодательной базы в соответствие с российским законодательством с целью дальнейшего вхождения в состав Российской Федерации. В 2017 году на территории Приднестровья проживало 213 тыс. граждан РФ.

Процесс паспортизации в Луганской Народной Республике и Донецкой Народной Республике активизировался в связи с принятием Указа Президента РФ от 24 апре-

ля 2019 г. № 183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приёме в гражданство Российской Федерации в упрощённом порядке»². За десять месяцев 2019 года гражданство РФ получили 227 тыс. чел., или 6,5% населения ЛНР и ДНР. При этом следует учитывать, что большинство жителей Донбасса получили гражданство еще до принятия Указа Президента РФ, а отмена платы за оформление документов при получении гражданства РФ в апреле 2020 г. активизировала этот процесс.

Как показывает опыт РА, РЮА, ПМР, НКР, развития данных территорий не возможно без внешней помощи (табл. 3).

Таблица 3.

Социально-экономическое развитие непризнанных государств [9,10]

Показатели	Республика Абхазия	Республика Южная Осетия	Приднестровская Молдавская Республика
Финансовая помощь РФ за 2008-2014 гг., млрд. руб.	30	43	40 млн. долл. (2017 г.)
Доля финансовой помощи РФ в бюджете республики, %	75 (2013 г.) 50 (2017 г.)	90 (2014 г.) 82,5 (2019 г.)	50 %
Бюджет, млрд. руб.	7,5	8,7	7,2
ВВП на душу населения, тыс. руб.	177,3	33,2	124,4
Население, которое получает пенсии в РФ, тыс. чел.	32	4	140

По разным источникам финансовая помощь Республике Абхазия и Республике Южная Осетия на протяжении семи лет с момента признания Российской Федерацией составляла 30-40 млрд руб., т.е. 4-6 млрд. руб. в год, и продолжается в настоящее время. По заявлению Президента ПМР, в 2017 г. Российская Федерация выделила финансовую помощь в размере 2,5 млрд. руб. Низкий уровень развития экономики непризнанных

республик приводит к неспособности самостоятельно формировать доходную часть бюджета, для покрытия которого необходима внешняя помощь [6]. Доля финансовой помощи Российской Федерации в бюджете Республики Абхазия на момент признания составляла 75%, размер которой удалось за пять лет сократить до 50%, и достичь доли финансовой помощи в Приднестровскую Молдавскую Республику. Наиболее про-

¹ Указ Президента ПМР № 348 «О реализации итогов республиканского референдума, состоявшегося 17 сентября 2006 года» [Электронный режим] // <http://voicesevas.ru/news/25698-pridnestrove-unificiruet-svoe-zakonodatelstvo-s-rossijskim.html> (Дата обращения 10 марта 2020 г.)

² Указ Президента РФ от 24 апреля 2019 г. № 183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приёме в гражданство Российской Федерации в упрощённом порядке» [Электронный режим] // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72129888/> (Дата обращения 5 марта 2020 г.)

мышленно развитым непризнанным государством среди анализируемых при практически одинаковом размере казны является ПМР. Бюджет Республики Южная Осетия не может формироваться самостоятельно без внешней помощи и на 90% покрывается за счет средств от Российской Федерации.

Активные боевые действия на Донбассе нанесли колоссальный ущерб экономике региона. По данным ООН, на сентябрь 2014 года в результате боевых действий инфраструктура двух областей понесла ущерб на общую сумму 440 млн долларов. Было разрушено почти 2000 зданий, в Донецке прекратило работу более 70% предприятий. Промышленное производство в Донецкой области в сентябре 2014 года упало на 59,5% по сравнению с предыдущим годом, в Луганской области — на 85%. Добыча угля на Украине в сентябре 2014 года снизилась в два раза по сравнению с предыдущим годом, при этом наибольшее падение было зафиксировано в Донецкой области [5].

Заключение

Таким образом, изучив правовые и социально-экономические аспекты деятельности «непризнанных» государств, считаем, что факт «непризнанности» государства еще не говорит об отсутствии на его территории

хозяйственной деятельности, социально-экономических процессов и явлений. Отсутствие статистической информации по Луганской Народной Республике и Донецкой Народной Республике делает невозможным провести сравнительный анализ социально-экономического развития данных территорий. Полагаем, что мощный экономический потенциал, трудолюбивый народ, богатые природные ресурсы позволят республикам Донбасса восстановиться в ближайшие годы, учитывая опыт государственного управления других непризнанных государств.

Нынешние власти Украины не понимают, а скорее всего не хотят понимать, что их страна находится в глубоком системно-кризисном состоянии и нуждается в кардинальных преобразованиях, в том числе с точки зрения геостратегических ориентаций. Без этого в стране не удастся навести должный общественный порядок, не удастся решить проблему непризнанных республик, преодолеть постепенно усиливающиеся сепаратистские настроения в западных областях. Без серьезных правовых, политических, идеологических и кадровых трансформаций и соответствующих конституционных и административных реформ «у Украины как единого суверенного демократического государства будущего нет» [11] и быть не может в принципе.

Литература:

1. Дробышева Т.В. Особенности правового положения непризнанных государств (на примере непризнанных государств постсоветского пространства) // Международные отношения. 2019. № 2. С. 154-160.
2. Ковбан А.В. Формы непризнания государств в международном праве и сотрудничество непризнанных государств // Ежегодник Алтайской школы политических исследований. 2016. №32. С. 42-46.
3. Ширяев Б.А., Дробышева Т.В. Место и роль содружества непризнанных государств в современных международных отношениях на постсоветском пространстве // Управленческое консультирование. 2016. № 8(92). С. 25-30.
4. Хандожко Ю. Заводы стоят: как пострадали от войны предприятия востока Украины // Forbes. 10.11.2014.
5. Коваленко Н.В. Импортзамещение в индустрии детских товаров как условие развития ее конкурентоспособности // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2019. № 4(77). С. 59-70.
6. Федоров О.С. Характеристика подходов в изучении вопросов становления непризнанных государств // Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Самарская гуманитарная академия. 2016. С. 127-133.
7. Мамонов А. Дефицит госбюджета Приднестровья достиг полутора миллиарда рублей // <https://camenca.org>.
8. Малаев М. Какой статус имеют паспорта Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии // <https://news.rambler.ru>.
9. Зубков К.И. Непризнанные государства, международное признание и глобальный порядок // Unrecognized States: methodological, political and legal aspects: collection of materials of the all-Russian scientific conference. Samara humanitarian Academy. 2016. С. 25-33.
10. Чаликян А.А. Интеграционные проекты как средство развития непризнанных государств // Кавказ в начале XXI века: народы, общество и государство: материалы международного форума. 2016. С. 25-27.

11. Охотский Е.В., Борщевский Г.А. Непризнанные республики Донбасса: правовые основы и особенности организации государственного управления // Публичное и частное право. 2019. № 2. С. 38-58.
12. Гаврицков Д.Ю. Национальный вопрос и национальная политика в СССР в 1970-х 1980 гг. в зарубежной литературе: опыт историографического анализа // Вестник Дона. 2014. № 3. С. 5-12.
13. Мифтахов Ф.Ф. Культурно-национальная политика в СССР: проблемы современной историографии // Вестник КазГУКИ. 2017. № 3. С. 55-61.

UNRECOGNIZED STATES: LEGAL AND ECONOMIC ASPECTS

Introduction. The transformational processes that are taking place in the world lead to the creation of new relationships and institutions. The problem is the creation of an unrecognized or partially recognized States is happening everywhere and is still relevant for many centuries. Their emergence is caused by political, economic, ethnic, cross-cultural and other problems, ignoring which can lead to social explosions and military conflicts. Currently, no territory is immune from the possibility of external incitement of conflicts, which has become possible in the context of digitalization of society.

Materials and methods. In the course of the research, a set of approaches and methods that are used in the framework of legal science was applied – General, General scientific, special methods of cognition: dialectical, logical, formal legal. The specificity of the research subject led to the use of a comparative approach.

Results. The authors compare socio-economic indicators of the Republic of Abkhazia, the Republic of South Ossetia, the people's Republic of Karabakh, the Pridnestrovian Moldavian Republic, the Luhansk people's Republic and the Donetsk people's Republic. Special attention is paid to comparing the size of territories and the population of

unrecognized States before and after the conflict. Analytical information is provided on the formation of the budget of unrecognized republics and the number of people who have adopted the citizenship of the Russian Federation.

Discussion and conclusion. The authors conclude that unrecognized States have all the opportunities not only to preserve, but also to increase their economic potential.

Valentin N. Goncharov,
Doctor of Economics, Professor, Head
of the Department of Enterprise Economics
and Labor Management of Lugansk National
Agrarian University

Viktor A. Glazkov,
PhD in Law, Professor, Rector of the
Luhansk Academy of internal Affairs named
after E. A. Didorenko

Alina V. Bondarchuk,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Head of the Department of economic-legal and
social-humanitarian disciplines of the Luhansk
Academy of internal Affairs named after
E. A. Didorenko

Ключевые слова:

непризнанное государство, республика,
бюджет, гражданство, признание,
независимость

Keywords:

unrecognized state, republic, budget,
citizenship, recognition, independence

References:

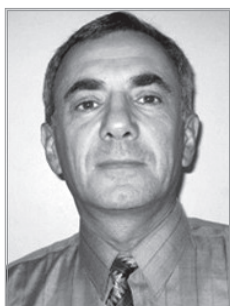
1. Drobysheva T.V., 2019. Osobennosti pravovogo polozheniya nepriznannyh gosudarstv (na primere nepriznannyh gosudarstv postsovetского prostranstva) [Features of the legal status of unrecognized States (on the example of unrecognized States of the post-Soviet space)]. *Mezhdunarodnye otnosheniya [International relations]*. № 2. S. 154-160.
2. Kovban A.V., 2016. Formy nepriznaniya gosudarstv v mezhdunarodnom prave i sotrudnichestvo nepriznannyh gosudarstv [Forms of non-recognition of States in international law and cooperation of unrecognized States]. *Dnevnik Altajskoy shkoly politicheskikh issledovaniy [Diary of the Altai school of political research]*. № 32. S. 42-46.
3. Shiryayev B.A., Drobysheva T.V., 2016. Mesto i rol' sodruzhestva nepriznannyh gosudarstv v sovremennyh mezhdunarodnyh otnosheniyah na postsovetском prostranstve [The place and role of the Commonwealth of

- unrecognized States in modern international relations in the post-Soviet space]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management consultation]*. № 8 (92). S. 25-30.
4. Handozhko YU., 2014. Zavody stoyat: kak postradali ot vojny predpriyatiya vostoka Ukrainy [Factories are standing: how the enterprises of the East of Ukraine suffered from the war]. *Forbes*. 10.11.2014.
 5. Kovalenko N.V., 2019. Importozameshchenie v industrii detskih tovarov kak uslovie razvitiya ee konkurentosposobnosti [Import substitution in the children's goods industry as a condition for developing its competitiveness]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, ekonomiki i prava [Bulletin of the Belgorod University of cooperation, Economics and law]*. № 4 (77). S. 59-70.
 6. Fedorov O.S., 2016. Harakteristika podhodov v izuchenii voprosov stanovleniya nepriznannyh gosudarstv [Characteristics of approaches to the study of the formation of unrecognized States]. *Nepriznannye gosudarstva: metodologicheskie, politicheskie i pravovye aspekty: sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Samarskaya gumanitarnaya akademiya [Unrecognized States: methodological, political and legal aspects: collection of materials of the all-Russian scientific conference. Samara humanitarian Academy]*. S. 127-133.
 7. Mamonov A. Deficit gosbyudzheta Pridnestrov'ye dostig polutora milliarda rublej [Elektronnyj rezhim] [The state budget deficit in Transnistria reached one and a half billion rubles]. URL: <https://camenca.org>.
 8. Malaev M. Kakoj status imeyut pasporta Pridnestrov'ya, Abkhazii i YUzhnoj Osetii [Elektronnyj rezhim] [What is the status of passports of Pridnestrovie, Abkhazia and South Ossetia]. URL: <https://news.rambler.ru>.
 9. Zubkov K.I., 2016. Nepriznannye gosudarstva, mezhdunarodnoe priznanie i global'nyj poryadok [Unrecognized States, international recognition and the global order]. *Unrecognized States: methodological, political and legal aspects: collection of materials of the all-Russian scientific conference. Samara humanitarian Academy*. S. 25-33.
 10. Chalikian A.A., 2016. Integracionnye proekty kak sredstvo razvitiya nepriznannyh gosudarstv [Integration projects as a means of developing unrecognized States]. *Kavkaz v nachale XXI veka: narody, obshchestvo i gosudarstvo: materialy mezhdunarodnogo foruma [Caucasus at the beginning of the XXI century: peoples, society and state: materials of the international forum]*. S. 25-27.
 11. Ohotskij E.V., Borshchevskij G.A., 2019. Nepriznannye respubliki Donbassa: pravovye osnovy i osobennosti organizacii gosudarstvennogo upravleniya [Unrecognized republics of Donbass: legal bases and features of the organization of public administration]. *Publichnoe i chastnoe pravo [Public and private law]*. № 2. S. 38-58.
 12. Gavrickov D.Yu., 2014. Nacional'nyj vopros i nacional'naya politika v SSSR v 1970-h 1980 gg. v zarubezhnoj literature: opyt istoriograficheskogo analiza [National question and national policy in the USSR in the 1970s and 1980s in foreign literature: experience of historiographical analysis]. *Vestnik Dona [Don's Bulletin]*. № 3. S. 5-12.
 13. Miftahov F.F., 2017. Kul'turno-nacional'naya politika v SSSR: problemy sovremennoj istoriografii [Cultural and national policy in the USSR: problems of modern historiography]. *Vestnik KazGUKI [Bulletin of the KazGUKI]*. № 3. S. 55-61.

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: АНАЛИЗ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗОН ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Юрий Левин*
Александр Павлов**

DOI 10.24833/2073-8420-2020-4-57-32-39

Введение. В статье анализируется опыт создания и функционирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе мира зон преференциальных экономических режимов. Показано, что страны АТР в целях формирования благоприятных факторов для бизнеса, привлечения внешних и внутренних инвестиций, внедрения инновационных технологий, увеличения объемов производства, повышения степени локализации и импортозамещения, увеличения экспорта продукции и услуг, создания новых рабочих мест ориентированы на разработку и внедрение преференциальных экономических режимов.

Материалы и методы. Методологической основой исследования формирования и функционирования зон преференциальных режимов являются общенаучные методы (анализ, синтез, аналогия) и специальные методы анклавного подхода, полюсов и треугольников роста. Используются материалы Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, Корпорации развития Дальнего Востока для анализа практики применения преференциальных режимов, действующих на территории Российской Федерации и за рубежом.

Результаты исследования. Результаты проведенного исследования показывают, что создание преференциальных экономических режимов с развитой инфраструктурой в последние четыре десятилетия в странах АТР превратилось в широко распространенную практику, которая позволила расширить рынок сбыта, приблизившись к непосредственному потребителю, минимизировать затраты, связанные с производством и логистикой за счет налоговых льгот и преференций.

Обсуждение и заключение. Российский Дальний Восток, являющийся частью Азиатско-Тихоокеанского региона мира, уступает экономическим зонам стран АТР по качеству инфраструктуры и развитию логистики. Делается

* **Левин Юрий Анатольевич**, доктор экономических наук, доцент профессор кафедры экономики и финансов Одинцовского филиала МГИМО МИД России, Россия

e-mail: u.levin@odin.mgimo.ru

ORCID ID: 0000-0002-9568-7866

** **Павлов Александр Олегович**, директор департамента управления проектами Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта, Россия

e-mail: a.o.pavlov@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-0929-4992

вывод о необходимости дополнительных мер по поддержке преференциальных режимов, повышению инвестиционной привлекательности и улучшению инвестиционного климата для обеспечения конкурентоспособности Дальнего Востока в Азиатско-Тихоокеанском регионе мира.

Введение

Страны АТР, стараясь создать лучшие условия для притока инвестиций и ведения бизнеса на своей территории, ориентированы на разработку и внедрение преференциальных режимов. Среди них лидерство по прямым иностранным инвестициям в течение последнего десятилетия удерживают – Индия, Китай, Вьетнам, Малайзия и Индонезия. В эти страны АТР было привлечено более 50% от суммы всех прямых иностранных инвестиций. При этом в страны, занимающие 2-е место в рейтинге по уровню прямых иностранных инвестиций, поступило менее 9 % иностранных инвестиций. Это – Филиппины, Сингапур, Республика Корея, Япония и Таиланд.

При ранжировании количества зон преференциальных режимов по странам мира безусловным лидером в этой области являются Соединенные Штаты Америки – 270 зон, а среди стран АТР лидирует Китай – 200 зон, вторыми являются Филиппины – 100 зон¹.

Исследование

Китайская Народная Республика на протяжении почти четырех десятилетий создает и развивает систему преференций для инвесторов на специальных территориях. Создание первых трех специальных экономических зон (далее – СЭЗ) в Китае было связано с развитием начатых в 1978 году реформ, ориентированных на модернизацию сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники.

В СЭЗ вопросами экономического развития и внутреннего нормативно-правового регулирования занимаются специально созданные комитеты, наделенные правами и полномочиями регионального органа власти. К примеру, финансовые полномочия комитетов включают возможность эмиссии собственных облигаций, получения внеш-

них и внутренних займов. Преференциальные режимы СЭЗ предоставляют налоговые льготы, такие как пятилетние налоговые каникулы, в течение которых для резидентов не предусмотрена уплата налога на прибыль. Кроме того предусмотрен ряд неналоговых льгот для высокотехнологичного бизнеса и компаний-экспортеров в части льготных тарифов за коммунальные платежи и землепользование.

В 1984 году в соответствии с «Протоколом совещания части приморских городов» еще в 14 открытых городах-портах были созданы первые экономические зоны государственного значения, называемые зонами технико-экономического развития Китая (далее – ЗТЭР). В ЗПЭС предусмотрены льготы в 50% от установленных таможенных сборов и 50% от ставки НДС для малых предприятий, специализирующихся на торговле с соседними странами. В целом, налоговые льготы и преференциальные режимы для этих зон аналогичны предусмотренным в СЭЗ. Однако в ЗТЭР для высокотехнологичных компаний требуемая инфраструктура формируется за счет мер государственной поддержки, в том числе и на региональном уровне. В 1992–1994 годах режим действия ЗТЭР был распространен на 18 центральных районов, а в течение последующих 10 лет – еще на 17 западных районов Китая.

В качестве примера можно привести старейшую в Китае, созданную в 1984 году, ЗТЭР – Тяньцзиньскую, где зарегистрировано почти 6 тыс. совместных компаний, сумма инвестиций в которые превышает 25 млрд. долл.

В ЗТЭР применяется система налоговых стимулов, аналогична применяемой в СЭЗ. Для малых предприятий, специализирующихся на торговле с соседними странами, в ЗТЭР предусмотрена льгота в 50% от установленных таможенных сборов и 50% от ставки НДС.

Механизм функционирования китайских зон новых и высоких технологий (далее –

¹ Невостребованная свобода. – Текст: электронный // Сонар2050 : сайт. – 2019. – URL: <https://www.sonar2050.org/publications/nevostrebovannaya-svoboda/> (дата обращения 02.02.2020).

ЗНВТ) аналогичен. Однако в отличие от ЗТЭР, для ЗНВТ характерна узкая специализация в конкретных областях, связанных с инновационными сферами, например, с космическими технологиями, IT-проектами, перспективными энерго-технологическими источниками.

Создание в Китае зон приграничного экономического сотрудничества (далее – ЗПЭС) было вызвано намеченным в 1993 году ЦК КПК переходом на путь построения в Китае «системы социалистической рыночной экономики», ориентированной на развитие рыночной экономики с методами эффективного государственного косвенного регулирования с обеспечением государственного контроля, поддержанием баланса в экономике, увеличением объемов торговых операций с ближайшими государствами. Система налоговых стимулов в ЗПЭС аналогична СЭЗ. 4 из 15 ЗПЭС расположены на границе с Российской Федерацией. К сожалению, функционирование так называемых сухих портов на российско-китайской границе не удалось пока вывести на должный уровень.

Интерес представляют свободные порты КНР и экспериментальные зоны свободной торговли (далее – ЭЗСТ). В свободных портах КНР обнулены таможенные платежи как при импорте иностранных товаров, так и экспорте продукции резидентов.

ЭЗСТ создаются для реформирования инвестиционных механизмов, налогово-финансовых и управленческих систем. На протяжении более 7 лет успешно действует первая из ЭЗСТ в городе Шанхае. В 2015 г. Госсовет КНР опубликовал Циркуляр о распространении опыта реформ в Шанхайской ЭЗСТ на всю территорию Китая. Согласно принятому 5 лет назад решению Государственного совета о распространении опыта реформ в Шанхайской ЭЗСТ, на территории Китая будет тиражироваться 28 видов реформаторских мероприятий в области совершенствования инвестиционного климата (9 мер), внешнеторговой деятельности (5 мер), финансовой деятельности (4 меры), сферы услуг (5 мер), системы контроля (5 мер).

Благоприятный инвестиционный климат в ЭЗСТ формируется за счет либерализации деятельности зарубежных инвесторов в результате отмены ряда положений зако-

нодательной базы по снятию ограничений в привлечении иностранного капитала. Характерной чертой ЭЗСТ является предоставление доступа зарубежным инвесторам в банковскую и страховую сферы, здравоохранение, профессиональное образование, сферы туризма и целый ряд других сфер. В ЭЗСТ действует упрощенная процедура таможенного оформления для компаний-резидентов с наиболее высоким уровнем доверия (благонадежности). Определение уровня кредита доверия резидентам ЭЗСТ производится таможенными органами в соответствии с действующей в Китае системой критериев.

Всего в Китае функционируют 253 зоны с преференциальными режимами. Они включают в себя 5 СЭЗ, 90 ЗТЭР, 120 ЗНВТ, 12 свободных портов, 15 ЗПЭС и 11 ЭЗСТ. На их долю приходится около 15% всего внешнеторгового оборота Китая².

Индия стала лидером Азии по притоку прямых иностранных инвестиций, сменив прежнего лидера – Китай. Среди наиболее значимых факторов лидерства Индии – создание на территории Индии 345 специальных экономических зон (далее – СЭЗ), из которых 218 работают в полноформатном режиме, предполагающем предоставление существенных налоговых стимулов расположенным в них предприятиям; льгот отделениям национальных банков на их территориях и других преференций. Объем привлеченных в действующие СЭЗ инвестиций составил 63 млрд. долл.

Особые условия оговорены для индийских СЭЗ в области информационных технологий, биотехнологий, производства ювелирных изделий и драгоценных камней, а также СЭЗ, расположенных в экономически отсталых районах страны.

Все предприятия-резиденты СЭЗ Индии выведены из таможенной территории Индии, что дает им полную возможность для операций импорта. Предусмотрено также свободное движение товарных потоков внутри зоны и снятие ограничений на перемещение товаров как в национальные порты из СЭЗ, так и в обратном направлении.

С целью упрощения доступа резидентов СЭЗ к источникам кредитования Резервным банком Индии установлены льготные нормативы деятельности для отделений банков, открытых в СЭЗ.

² Мирное развитие Китая. – Текст : электронный // Посольство Китая : сайт. – 2020. – URL: <http://by.china-embassy.org/rus/zt/zfbps/t868717.htm> (дата обращения 05.05.2020).

Система налоговых льгот для резидентов СЭЗ Индии, наряду с отменой налога с продаж и региональных налогов, предусматривает пятилетнюю отмену налога на прибыль и в дальнейшем уменьшение налоговой ставки на прибыль вполнину на следующий пятилетний период.

Неналоговыми преференциями СЭЗ предусмотрены отмена лицензирования деятельности малого и среднего бизнеса, упрощенные таможенные процедуры экспортно-импортных операций, а также для всех видов производства - возможность неограниченного прямого иностранного инвестирования, не требующего разрешения правительственных органов.

В 2005г. был принят закон об особых экономических зонах (далее - ОЭЗ), который внес существенные изменения в политику стимулирования развития специальных экономических зон Индии. В результате многие СЭЗ были преобразованы в ОЭЗ. По состоянию на начало 2020 года в Индии из 351 ОЭЗ, зарегистрированных по закону об ОЭЗ от 2005 года, действует не менее 232 ОЭЗ.

Индийские ОЭЗ предлагают инвесторам и резидентам следующие льготы и преференции: беспшлинный импорт и внутренние закупки товаров для развития, эксплуатации и технического обслуживания компании; пятилетнее освобождение резидента от уплаты подоходного налога на экспортный доход и сокращение налога вдвое в течение последующих пяти лет; освобождение от налога на услуги (GST) и сборов, взимаемых правительством штата; «принцип одного окна» для всех обращений к государственному и федеральному правительству; освобождение от уплаты пошлин на электроэнергию и налога на продажу электроэнергии в некоторых штатах Индии; функционирование таможни на территории ОЭЗ для облегчения и ускорения оформления документов по экспортно-импортным операциям. Кроме того, некоторые индийские штаты предлагают инвесторам землю в ОЭЗ по льготным ставкам для развития производства в соответствии с преобладающей промышленной политикой штата, а также иные дополнительные преимущества³.

Новая политика ОЭЗ Индии оказалась более успешной, повлиявшей на то, что с 2005 года возросло количество иностранных

компаний, работающих в Индии, а также значительно возрос объем экспорта, в основном за счет роста произведенных в стране товаров. Особых успехов добились ОЭЗ, формирующие пятый и шестой технологические уклады, включая информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, нетрадиционную энергетику.

В Японии с 2013 года начали функционировать Национальные стратегические специальные зоны (далее - НССЗ), в которых созданы благоприятные условия для развития бизнеса, привлечения иностранных инвестиций и высококвалифицированных иностранных специалистов за счет смягчения регулирования. В рамках НССЗ государство предлагает субсидирование процентных ставок по кредитам, выданным средним и малым предприятиям, а также венчурным фондам. При этом фиксированная процентная ставка составляет 0,7% годовых в течение 5 лет.

На выбор предлагается два типа налоговых льгот: ускоренная амортизация от стоимости оборудования в размере 50%, и зданий - 25%; либо налоговый кредит от стоимости оборудования в размере 15% и зданий - 8%.

Для компаний в сфере медицинских исследований предусмотрен стопроцентный амортизационный вычет на оборудование, а также сокращение налогообложения активов на 50% в течение 3 лет⁴.

В каждой отдельной НССЗ могут действовать особые преференции. Например, в НССЗ «большого Токио» предусмотрено субсидирование расходов иностранных инвесторов на юридические, бухгалтерские, рекрутинговые, маркетинговые услуги, упрощено привлечение иностранных специалистов, в том числе в медицинские учреждения. В НССЗ префектуры Фукуока для стартапов, работающих в области «интернета вещей», медицины, сельского хозяйства, предусматриваются льготы в размере 25% по корпоративным налогам. В НССЗ Окинава предоставляется льгота в размере 35% по налогу на прибыль, полное освобождение от местных налогов. В настоящее время в 10 НССЗ реализуется 216 проектов.

Во Вьетнаме создано 424 территории с льготным режимом инвестиционной и предпринимательской деятельности: 16 СЭЗ, 38 СЭЗ приморского типа, 30 СЭЗ пригра-

³ Бизнес Индии постепенно освоит экономические ниши – Текст : электронный // ПримПресс: сайт. – 2020. – URL: <https://primpress.ru/article/51575> (дата обращения: 04.02.2020).

⁴ Бизнес-путеводитель по Японии. – Текст : электронный // Камгов : сайт. – 2020. – URL: <http://www.kamgov.ru/minfish/document/81951.pdf> (дата обращения: 04.02.2020).

ничного типа, 3 экономических коридора, 325 промзон, 12 военно-экономические зон. Для экономических зон действуют преференции, предусматривающие льготы по налогу на прибыль, по НДС для персонала компаний-резидентов, а также освобождение на 11 лет от арендной платы за землю и водную поверхность.

Из 325 промышленных зон 220 введены в эксплуатацию, 105 находятся в стадии строительства. Резиденты действующих промзон полностью освобождаются от налога на прибыль в первые 2 года, а затем уплачивают 50% ставки в течение 4 лет, также с них не взимаются земельные платежи в течение 7 лет.

В *Индонезии* в настоящее время функционирует 8 СЭЗ, в каждой из которых для резидентов предполагается весьма конкретная однородная специализация. Планируется открытие новых СЭЗ, ориентированных на развитие туристических услуг, добычу минерального сырья, рыболовство, машиностроение и электронную промышленность. Они привлекают инвесторов соглашениями об избегании двойного налогообложения со многими странами мира, конкурентными инвестиционными и эксплуатационными затратами.

Система налоговых льгот для резидентов СЭЗ Индонезии предусматривает уменьшение налога на прибыль на 30%, а по другим налогам - пяти- или десятилетнее освобождение от их уплаты, а в дальнейшем периоде - снижение налоговых ставок на 50%.

На *Филиппинах* могут создаваться СЭЗ следующих типов: экспортно-производственные зоны, парки информационных технологий, туристские зоны, зоны островных городов, медико-туристские зоны, агропромышленные зоны, лесохозяйственные зоны, зоны переработки минеральных ресурсов, оборонно-промышленные комплексы, парки возобновляемых источников энергии, зоны производства халяльной продукции, логистические парки.

Преференции для резидентов филиппинских СЭЗ включают освобождение от налога на бизнес на протяжении до 8 лет с открытия даты резиденции; освобождение от налога на добавленную стоимость (12%) и всех других налогов, кроме местных при уплате фиксированного пяти процентного платежа от дохода; упрощенные экспортно-импортные процедуры; долгосрочную аренду земли на 50 лет с возможностью дальнейшего продления на 25 лет. Частные компании, владеющие землей площадью 25 га и

более, могут внести предложение о создании и управлении СЭЗ. При этом частным компаниям, создавшим СЭЗ, предоставляются дополнительные льготы в виде упрощенного получения рабочих виз иностранными специалистами.

В *Республике Корея* зонами преференциальных экономических режимов являются СЭЗ, зоны свободной торговли и свободных инвестиций. Для их резидентов установлены трехлетние налоговые каникулы с последующим сокращением в двухлетнем периоде на 50% всех налоговых платежей. При этом специализация СЭЗ в Республике Корея не имеет строгой регламентации и новые небольшие СЭЗ, предоставляющие налоговые льготы и неналоговые преференции иностранным инвесторам, могут создаваться на любой территории Южной Кореи, осваиваемой с участием иностранного капитала. В целях стимулирования иностранных инвесторов, внедряющих передовые технологии стоимостью от 1 млн. долларов, предусмотрено освобождение их от арендной платы за землю.

Результаты исследования

Исследование механизма создания и функционирования зон преференциальных режимов в разных странах мира свидетельствует об эффективности деятельности большинства из них, обеспечивающих привлечение внешних и внутренних инвестиций, внедрение инновационных технологий, обновление оборудования, рост объемов производства, повышение степени локализации и импортозамещения, увеличение экспорта продукции и услуг, создание новых рабочих мест. Все вместе это приводит к росту производительности труда, развитию конкуренции, повышению конкурентоспособности территорий регионов и стран в целом [7]. Правительствами этих стран установлен четкий и ясный механизм административного управления зонами преференциальных режимов, позволяющий привлечь крупные транснациональные компании, прямые иностранные инвестиции, инновационные технологии, создать новые рабочие места для высококвалифицированных специалистов, наладить увеличить экспорт, освоить инновационные методы управления и организации труда.

Для иностранных инвесторов специальные экономические режимы позволяют расширить рынок сбыта, приблизившись к непосредственному потребителю, минимизи-

ровать затраты, связанные с производством и логистикой за счет налоговых льгот и преференций, использования более дешевой рабочей силы, снижения прочих затрат [5].

Большинство стран мира стремятся поощрять развитие экспортно-импортных операций путем предоставления льгот и преференций по таможенным сборам и пошлинам на территории специальных торговых или промышленных экономических зон в соответствии с международной конвенцией об упрощении и гармонизации таможенных процедур, применяя при этом меры таможенно-тарифного регулирования, соблюдая запреты и ограничения, меры защиты внутреннего рынка, международных договоров и актов, которые

регулируются таможенным и налоговым законодательством.

Дальний Восток России ближе всех других российских регионов расположен к рынку стран АТР, неотъемлемой частью которого является. На Дальнем Востоке плотность специальных экономических зон с особым режимом таможенного, налогового, инвестиционного регулирования (территории опережающего социально-экономического развития, портовая зона Владивостока и других портов, включенных в юрисдикцию свободного порта Владивосток, специальный административный район ДФО), создание которых началось в 2016 году, с учетом площади макрорегиона гораздо более низкая по сравнению со странами АТР (таблица).

Таблица

Количество специальных экономических зон на 10 тыс. кв. км территории⁵

Дальневосточный федеральный округ Российской Федерации	Индия	КНР	Вьетнам	Малайзия	Индонезия	Япония
0,02	1,05	0,26	12,58	0,79	0,04	1,16

Пока что, даже с учетом принятых мер по внедрению преференциальных режимов для обеспечения конкурентоспособности России в Азиатско-Тихоокеанском регионе мира, Дальний Восток по большинству показателей, непосредственно влияющих на инвестиционную привлекательность и инвестиционный климат весьма существенно уступает странам АТР [6].

Согласно данным Всемирного банка, Россия по глобальному рейтингу развития инфраструктуры и логистики отстает от большинства стран АТР. Российский рейтинг развития инфраструктуры по семибалльной шкале составляет 4, а рейтинг развития торговой логистики по пятибалльной шкале - 2,43. Для сравнения укажем, что в АТР наиболее высокие рейтинги в Сингапуре - соответственно 6,4 и 4,2; далее следуют Япония - 6,2 и 4,1; Республика Корея - 5,6 и 3,39; Индонезия - 5,5 и 3,45; в Индия - 4,5 и 3,344; Китай - 4,5 и 3,75. Поскольку по уровню развития инфраструктуры и торговой логистики Дальний Восток значительно ниже среднероссийского уровня [6], то для дальневосточных регионов такие оценки будут еще более низкими, чем в странах АТР. При этом существующие риски недостижения заявленных показателей пока что

превосходят потенциальные выгоды и возможности от предложенных льгот и преференций [2], а судя по опыту преференциальных режимов стран АТР, налоговые льготы могут привести к бюджетной эффективности не ранее завершения 10-летнего периода установления преференциального режима.

Заключение

Преференциальные режимы должны функционировать в русле активной инновационной, структурной и региональной стратегии развития, интеграции в международные экономические отношения и создания условий ускоренного роста на основе сотрудничества с международным сообществом. Успешный опыт развития точек, полюсов и треугольников роста [1,3,4], преодоление схожих проблем интеграции в странах АТР может служить примером при определении ориентиров основных направлений совершенствования государственной политики в области повышения конкурентоспособности территорий, а также при формировании модели функционирования преференциальных режимов на Дальнем Востоке России и расширения выхода на рынки тран АТР.

⁵ <https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2019>

Литература:

1. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135-145.
2. Иванов С.А., Кожевникова П.А. Особые экономические зоны Дальнего Востока России: децентрализованная и централизованная модели управления // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 24. С. 161-176.
3. Перру Ф. Экономика XX века // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. Т. 4. Век глобальных трансформаций. М., 2004. С. 404-414.
4. Meng G. The Theory and Practice of Free Economic Zones: A Case Study of Tianjin, People's Republic of China// Bern: The Peter Lang Publishing. 2003.
5. Minakir P.A., Suslov D. Foreign direct investment in the economy of the russian Far East // Foreign Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. Т. 11. № 3. P. 41-56.
6. Pavlov A.O., Levin Yu.A. Research of the Far Eastern Financial Center: Problem Analysis and outlook // Advances in Economics, Business and Management Research Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con" (ISCSEC 2020). Far Eastern Federal University. 2020. P. 2377-2381.
7. Voronkova O.Yu., Yakimova L.A., Frolova I.I. Sustainable development of territories based on the integrated use of industry, resource and environmental potential // International Journal of Economics and Business Administration. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 151-163.

ASIA-PACIFIC REGION: ANALYSES OF THE CREATION AND FUNCTIONING OF PREFERENTIAL ECONOMIC REGIME ZONES

Introduction. The article analyzes the experience of creating and functioning zones of preferential economic regimes in the Asia-Pacific region. It is shown that in order to create better conditions for doing business on their territory, attract foreign and domestic investment, introduce innovative technologies, increase production volumes, increase the degree of localization and import substitution, increase exports of products and services, create new jobs. The APR countries are focused on the development and implementation of preferential economic regimes.

Materials and methods. The methodological basis for the study of the formation and functioning of zones of preferential regimes are General scientific methods (analysis, synthesis, analogy) and special methods for analyzing the enclave approach, the theory of growth poles and growth triangles. The materials of the Far East development Corporation and the Ministry of the Russian Federation of the Far East and the Arctic development on the analysis of the practice of applying preferential regimes operating in the territory of the Russian Federation and abroad were used.

Research result. The creation of preferential economic regimes with developed infrastructure in the last four decades in the Asia-Pacific countries

has become a widespread practice that has allowed to expand the sales market, getting closer to the direct consumer, and minimize the costs associated with production and logistics through tax incentives and preferences.

Discussion and conclusion. The Russian Far East, which is part of the Asia-Pacific region of the world, is inferior to the economic zones of the Asia-Pacific countries in terms of infrastructure quality and logistics development. It is concluded that additional measures are needed to support preferential regimes, increase investment attractiveness and improve the investment climate to ensure the competitiveness of the Far East in the Asia-Pacific region of the world.

Yuri A. Levin,
Doctor of Science (Economics), Professor
of the Department of Economics and Finance,
Odintsovo branch, MGIMO-University under
the MFA of Russia

Alexander O. Pavlov,
Director of the Project Management
Department, Far East Investment and Exports
Support Agency

Ключевые слова:

преференциальный режим, региональная стратегия развития, приграничное экономическое сотрудничество, национальные стратегические специальные зоны

Keywords:

preferential treatment, regional development strategy, cross-border economic cooperation, national strategic special zones

References:

1. Zubarevich, N.V., 2019. Strategiya prostranstvennogo razvitiya: priority i instrumenty [Spatial development strategy: priorities and tools]. *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. No. 1.
2. Ivanov, S.A., Kozhevnikova, P.A., 2019. Osoby ekonomicheskie zony Dal'nego Vostoka Rossii: decentralizovannaya i centralizovannaya modeli upravleniya [Special economic zones of the Russian Far East: decentralized and centralized management models]. *Trudy instituta istorii, arheologii i etnografii DVO RAN. [Proceedings of the Institute of history, archeology and Ethnography of the FEB RAS]*. Vol. 24.
3. Perru, F., 2004. Ekonomika XX veka. [Economics of the XX century]. *Mirovaya ekonomicheskaya mysl' skvoz' prizmu vekov. Tom 4. Vek global'nyh transformacij. [World economic thought through the prism of centuries. Vol. 4. The century of global transformations]*. Moscow.
4. Meng, G., 2005. The Theory and Practice of Free Economic Zones: A Case Study of Tianjin, People's Republic of China. Bern: The Peter Lang Publishing.
5. Minakir, P.A., Suslov, D.V., 2018. Foreign direct investment in the economy of the russian Far East. *Foreign Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 11. No. 3.
6. Pavlov A.O., Levin Yu.A., 2020. Research of the Far Eastern Financial Center: Problem Analysis and outlook. *Advances in Economics, Business and Management Research Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con" (ISC FEC 2020)*. Far Eastern Federal University. P. 2377-2381.
7. Voronkova, O.Yu., Yakimova, L.A, Frolova, I.I., 2019. Sustainable development of territories based on the integrated use of industry, resource and environmental potential. *International Journal of Economics and Business Administration*. Vol. 7. No. 2.

**ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ
БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И «МЕЖ-
ДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».**

Выпускники факультета получают уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имущественными комплексами, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Факультет имеет обширные международные связи, позволяющие студентам проходить стажировки в крупнейших университетах мира. Сложились традиционные партнерские отношения с одним из ведущих университетов Европы, Università degli Studi di Macerata (Италия), с которым реализуются совместные и двойные программы бакалавриата, магистратуры и программа двойной аспирантуры, которая является единственной в своем роде в России.

Программы бакалавриата:

Государственное и муниципальное управление

- Управление федеральной и региональной собственностью
- Цифровое государственное управление
- Экономическая политика
- Федеральное и региональное управление (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Политология

- Технологии публичной политики
- Теория политики
- Политическая конфликтология
- Национальная и региональная политика (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Международные отношения

- Мировая политика

Программы очной магистратуры:

Государственное и муниципальное управление

- Государственное управление устойчивым развитием
- Управление «умными городами»
- Управление в государственных корпорациях
- Digital Public Governance (совместно с Университетом Sapienza, Италия)
- Smart City Management (совместно с Университетом Ёнсе, Республика Корея)
- International Public and Business Administration (совместно с Университетом г. Мачерата, Италия)

Политология

- Международный политический консалтинг
- GR и бизнес-дипломатия
- GR and International Lobbying (совместно с Флорентийским университетом, Италия)
- International Political Consulting (совместно с Университетом Никосии, Республика Кипр)
- Political Consulting and International Relations (совместно с Университетом Пизы, Италия)

Международные отношения

- Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов
- External Relations of Regions (совместно с Университетом Кальяри, Италия)

Телефон для справок:
(495) 229-54-26

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации
от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-72205 от 24.01.2018 г.

Подписной индекс по каталогу
агентства «Роспечать» - 18310

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-62
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Напечатано в Отделе ОП и МТ МГИМО МИД России
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5,125.
Подписано в печать 25.12.2020 г.
Тираж 1100 экз. 1-ый завод 50 экз. Заказ № 916

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы
в других изданиях только с разрешения редакции,
при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век»
обязательна